

16+

ИНФОРМАЦИЯ
К РАЗМЫШЛЕНИЮ

П Р И Л О Ж Е Н И Е

ДЕКАБРЬ
2020

№12/122

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

СОБАЧЬЕ СЕРДЦЕ
И ДРУГИЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ

ПОТОП МОСКОВСКИЙ

ПРОКЛЯТИЕ ПРЕЗИДЕНТОВ

ХОНЕККЕР И ПЕЧНИК

СУГУБО НОВОГОДНИЕ ИСТОРИИ

Взлет и падение
гетмана Мазепы

ПОЛИЦИЯ.

«САДИТЬСЯ БЕЗ ЧИНОВ!»

в спецвыпуске

СЕКРЕТЫ ИСТОРИИ

Взлет и падение

СЕГОДНЯ ОН СТАЛ ГЕРОЕМ «ЩИРОЙ УКРАИНЫ», В ДЕНЬ СВОЕЙ ИНАУГАРАЦИИ ВИКТОР ЮЩЕНКО ПОЛУЧИЛ В ПОДАРОК ЕГО НАТЕЛЬНЫЙ КРЕСТ. ТАК КТО ОН, ГЕТМАН МАЗЕПА: НАЦИОНАЛЬНЫЙ ГЕРОЙ ИЛИ ПРЕДАТЕЛЬ?

■ Сергей МАКЕЕВ

Публикация 2006 года

В начале 1824 года, во время южной ссылки, Пушкин ненадолго покинул Одессу и отправился в Бендеры. Там, в бывших турецких владениях, когда-то стоял лагерь шведский король Карл XII с остатками своего войска, разбитого под Полтавой. Там же вскоре после бегства умер гетман Мазепа. Пушкин искал следы шведского лагеря и могилу Мазепы:

*И тщетно там пришлец унылый
Искал бы гетманской могилы:
Забит Мазепа с давних пор;
Лишь в торжествующей святыне
Раз в год анафемой доныне,
Грозя, гремит о нем собор...*

Его не то чтобы забыли – о нем не любили вспоминать. В России имя Мазепы стало нарицательным именем предательства, как имя Иуды. На Украине выражение «Проклята Мазепа!» относилось не только к плохому человеку, но и к любому злу. Сейчас – другое дело. Кто и каким словом поминает Мазепу? И кем он был на самом деле?

Человек с множеством лиц

До нас дошло больше десятка портретов Мазепы, но среди них практически нет похожих друг на друга, он словно человек с множеством лиц. Таким он был и в жизни: на Украине одним, в России другим, с поляками и шведами третьим... Даже год рождения Мазепы точно не установлен, исследователи называют 1629, 1639 и 1644 годы.

Иван Степанович Мазепа-Колединский был польский шляхтич украинского происхождения и православного вероисповедания. Родился он в селе Мазепинцы недалеко от Белой Церкви, на подвластной Польше территории Правобережной Украины.

В молодые годы Иван попал ко двору польского короля Яна Казимира. Тот благосклонно относился к украинской знати, хотя вся польская шляхта украинцев презирала. Поэтому Мазепе не совсем уютно было при дворе. Тем не менее он был назначен «покоевым» (камер-юнкером), учился в коллеже иезуитов. Начиная с 1659 года Мазепа уже выполнял ответственные поручения короля: его отправляли с посланиями к гетманам Левобережной Украины, подвластной России, к Ивану Выговскому и Юрию Хмельницкому. Насколько важными были эти поручения, стало известно позднее: и Выговский, и Юрий Хмельницкий изменили России, переметнувшись к Польше. Так юный Мазепа набирался политического опыта.

В 1663 году Ян Казимир отправился в поход на Левобережную Украину. Возле Белой Церкви Мазепа покинул войско и остался в родных местах. Есть на этот счет и другая версия. Ян Пасек, паж при дворе Яна Казимира, впоследствии писал, что Мазепа покинул двор из-за любовной интрижки, окончившейся для него позором. Будто бы Мазепа был любовником жены помещика Фальбовского. Муж узнал об этом от слуг и однажды подстерг Мазепу. Фальбовский приказал усадить Ивана на его собственного коня лицом к хвосту и привязать в таком положении. Затем коня испугали криками и выстре-

лами, так что он помчался домой через заросли, овраги и реки. Мазепа был так изранен, что его слуги насилу признали хозяина... Вряд ли это правда. Пасек был зол на Мазепу за то, что Иван разоблачил его участие в заговоре. Правда, пажу удалось как-то оправдаться. По этому или по другому поводу Пасек и Мазепа поссорились, да так, что Мазепа обнажил шпагу, а при дворе это было строжайше запрещено и каралось смертью. Правда, король рассудил, что Мазепа поступил так неумышленно.

История, поведанная Пасеком, не оригинальна, подобные сюжеты встречаются в литературе XVI–XVII веков. Но к имени Мазепы эта легенда пристала крепко. Впоследствии многие сочинители, писавшие о Мазепе, пересказывали ее как подлинное событие. Она послужила, в частности, основой сюжета поэмы Байрона «Мазепа». Может быть, авантюрный сюжет оказался сродни характеру Мазепы, к тому же он смолodu был весьма любвеобилен. Кроме того, еще современники в один голос утверждали, что он «чародій». Умение производить впечатление и внушать доверие вознесло Мазепу на вершину власти.

В ту пору гетманом Правобережной Украины был Павло Тетеря. Мазепа поступил к нему на службу. Гетманы сменялись часто, и скоро Тетеря был смещен, на его место был избран Петро Дорошенко. Он сразу оценил знания, способности и при-

ятное обхождение молодого шляхтича и назначил его сначала ротмистром надворной службы, а затем генеральным писарем, то есть личным секретарем и главой своей канцелярии.

Во время службы у Дорошенко пан Мазепа женился на богатой вдове Фридкевич. От первого брака у нее был сын Крыштоф, а своих детей Мазепа с нею не нажил.

Гетман Дорошенко вел сложную, тройную игру. Формально оставаясь подданным польского короля, гетман отправил Мазепу с посланием к гетману Левобережной Украины Ивану Самойловичу с уверениями, что желает служить русскому царю. Но уже через несколько месяцев Дорошенко послал Мазепу к турецкому султану – просить помощи у извечного врага православных. А в подарок султану Дорошенко отправил с Мазепой «ясык» – пятнадцать рабов из козаков, захваченных на левой стороне Днепра.

По пути Мазепу с «гостинцами» захватили запорожские козаки. Тогда кошевым атаманом Запорожской Сечи был Иван Сирко, тот самый, что писал со своими козаками знаменитое письмо турецкому султану Магомету IV: «Свиняча ты морда, кобыляча срака, кусача собака, нехрещеный лоб, мать твою... Не будешь ты и свиней христианских пасти. Теперь кончаемо, ибо числа не знаемо, календаря не маемо, а день такой как и у

Вас, за что поцелуй в сраку нас!» Почему атаман Сирко, этот неистовый защитник православных, заклятый враг татар и турок, не отрубил Мазепе голову на месте, как поступал он обычно с пособниками бусурман, а отправил его к гетману Самойловичу – остается только гадать. Оттуда его затребовало московское правительство к себе для дальнейшего разбирательства.

Так, не по своей воле, Мазепа впервые попал в Москву. Но это путешествие оказалось для него счастливым. Он сумел не только оправдаться, но и понравиться боярину Артамену Матвееву, руководившему Малороссийским приказом, и московскому воеводе Ромодановскому. Мазепу представили самому царю Алексею Михайловичу. Чары Мазепы опять действовали: он убедил царя, что Дорошенко расположен к русской державе. Для пущей убедительности он целовал в том образа Спаса и Пресвятой Богородицы. Мазепе вручили призывные грамоты к Дорошенко и с тем отправили обратно.

Но Мазепа на правый берег уже не вернулся. Он, поляк по воспитанию и образованию, считавший королевский двор в Кракове настоящей Европой, вероятно, понял, что именно в полуазиатской Москве настоящая сила, подлинное богатство и крепкая власть.

Гетман Левобережной Украины Иван Самойлович уже знал Мазепу, ценил его ученость и ловкость, а потому охотно взял его домашним учителем для своих сыновей. Мазепа в короткое время стал генеральным есаулом – должность высокая и почетная. Он еще несколько раз ездил в Москву и каждый раз укреплял свои связи в верхах. Уже скончался государь Алексей Михайлович, завершилось краткое царствование его старшего сына Фёдора Алексеевича, и вот на троне два брата-подростка – Пётр и Иван, но правит Россией их сестра Софья Алексеевна. Мазепа быстро вошел в доверие к ее фавориту Василию Голицыну.

Теперь должность генерального есаула сделалась Мазепе не по росту. Он уже метил на место Самойловича. В это время завершился неудачный поход русского войска и козаков против крымского ханства. Василий Голицын свалил вину на Самойловича, а на того уже была заготовлена челобитная. Как свидетельствует современник, ее составили «обозный, есаул и писарь войсковой». Обозным, вторым человеком после гетмана, был Василий Борковский, есаулом Мазепа, а писарем Василий Кочубей. Они обвиняли гетмана и его сыновей-полковников в разных злоупотреблениях и присвоении войсковых денег.

Москва неохотно «сдала» Самойловича – он верно служил России и Украине, причем необычайно долго, пятнадцать лет. Но и смута на Украине была не нужна, а Мазепа считался «своим». По этой челобитной, а вернее сказать, доносу, отрубили голову сыну Самойловича Григорию (между прочим, ученику Мазепы в бытность его домашним учителем), а остальных Самойловичей отправили в Сибирь. Правдой было только то, что Самойлович действительно воровал, и после его низложения были конфискованы огромные богатства. Точно известно и то, что Мазепа заплатил Голицыну десять тысяч рублей за свое избрание. Не жалел он денег на пиры и щедрые подношения для войсковых старшин и полковников – из того же источника. Поэтому выборы гетмана на генеральной Раде прошли, как было задумано. 25 июля 1687 года Иван Степанович Мазепа получил «клеяный» гетманский власти – булаву и бунчук.

«Гетьманщина»

«Украина глухо волновалась», – писал Пушкин в «Полтаве». Эти слова можно отнести ко всему полувековому периоду

ГЕТМАНА МАЗЕПЫ

украинской истории, получившему название Гетманщины. Чтобы оценить «неспокойное хозяйство», которое приняла под свою руку Россия в 1654 году, и понять последующие действия гетмана Мазепы, полезно обратиться не только к документам и исследованиям, но и к классической литературе, передающей не столько «букву», сколько «дух». Вот характерный эпизод из «Тараса Бульбы».

Старый козак Тарас Бульба с сыновьями приехал в Запорожскую Сечь, когда был заключен мир и «время отдавалось гульбе – признаку широкого размета душевной воли. Ему не по душе была такая праздная жизнь – настоящего дела хотел он. Наконец, в один день он пришел к кошевому и сказал ему прямо:

– Что, кошевой, пора погулять запорожцам?»

Кошевой атаман Сечи Запорожской – это высшая выборная должность всего войска, то же, что позднее гетман всей Украины, – объясняет Бульбе, словно оправдывается: «Не имеем права. Если б не клялись еще на нашей верою, то, может быть, и можно было бы; а теперь нет, не можно».

«Постой же ты, чертов кулак! – подумал Бульба про себя, – ты у меня будешь знать!» И положил тут же отомстить кошевому. Сговорившись с тем и с другим, задал он всем попойку, и хмельные козаки, в числе нескольких человек, повалили прямо на площадь, где стояли привязанные к столбу литавры, в которые били сбор на раду...»

Понятно, что прежний атаман был смещен и выбран новый, более сговорчивый. «А на другой день Тарас Бульба уже совещался с новым кошевым, как поднять запорожцев на какое-нибудь дело. Кошевой был умный и хитрый козак, знал вдоль и поперек запорожцев и сначала сказал: «Не можно клятвы преступить, никак не можно». А потом, помолчавши, прибавил: «Ничего, можно; клятвы мы не преступим, а так кое-что придумаем. Пусть только соберется народ, да не то что по моему приказу, а просто своею охотою. Вы уж знаете, как это сделать. А мы со старшинами тотчас и прибежим на площадь, будто бы ничего не знаем».

Конечно, Гоголь – не историк (хотя и начинал писать «Историю Малороссии», и, может быть, это была бы самая правдивая история Украины). Конечно, и Запорожская Сечь это особая вольница. И описываемые события происходили почти за сто лет до гетманства Мазепы. Но поразительно, насколько верно изображена «майданная демократия».

Власть атаманов сменилась властью гетманов. Немецкое слово Hauptmann – начальник – превратилось в польское hetman – в значении «командующий войском», а на Украине гетман стал верховным правителем всех украинцев, военных и гражданских. Во второй половине XVII века всю Левобережную Украину начали неофициально именовать Гетманщиной. В мягком южном произношении – Гетьманщина. И в этом «геть», что значит «долей», таилась одна из главных опасностей для власти: старшина, полковники и значные козаки (то есть назначенные или выбранные на командные должности) всегда могли сместить гетмана. Так действовал и Мазепа со старшиною, погубив Самойловича.

Мазепа впервые встретился с Петром в 1689 году и с самого начала был обласкан молодым русским царем

Ну а крестьяне и прочие «тяглые» люди должны были содержать козачье войско. В период Гетманщины началось активное присвоение земель и закрепление свободных крестьян старшиной и значными козаками. Эти прежде вольные рыцари Украины становились подобием польской шляхты. В правление Мазепы закрепощение посполитых (крестьян) приняло особенно широкий размах. Сам гетман был, пожалуй, самым крупным крепостником на Украине, да и в России он владел дарованными поместьями с тысячами душ. Мало того, что он одаривал угодных ему старшин и значных – обширные маенности (поместья) получили новоизбранный генеральный есаул Войце Сербин и перяславский полковник Дмитрашко Райче. Не менее щедро отписывал он деревеньки и послушным ему православным иерархам.

Встреча с Петром

Одновременно Мазепа повел борьбу с бывшими соратниками и приверженцами Самойловича, привлекая к расправе московские власти. Он отправил в отставку полковников Леонтия Полуботка и Михайлу Галицкого, но посчитал, что этого недостаточно, и послал на них доносы, будто Галицкий распространяет про него «плевосеятельные слова», а Полуботок переписывается с крымским ханом. Чернил Мазепа и князя Юрия Четвертинского, жениха дочери Самойловича. Доносил на митрополита Гедсона, уверяя, что он человек злобный, мстительный и следует опасаться его тайных и явных происков. В общем, топил «бывших».

Но скоро пришел черед взяться и за друзей. Они представляли опасность, потому что на опыте убедились, как это, в сущности, нетрудно – свергнуть одного гетмана и выбрать другого.

Кто сеет ветер – пожнет бурю: появился первый донос и на самого Мазепу. В нем говорилось, что гетман тайно сговаривается с поляками, потихоньку скупает маенности в Польше. Впоследствии доносы на гетмана только множились, в них появились новые обвинения: что Мазепа продает в рабство единоплеменников, что раздает земли, должности и богатства из войсковой казны кому захочет и сколько пожелает... По большей части это было правдой, но московские власти верили Мазепе и отправляли доносчиков к нему же на расправу. А если донос был анонимным, Мазепа старался изобразить дело как заговор и приплести к нему своих недобитых врагов. «Подозреваю Михаила Васильевича Галицкого, – докладывал Мазепа в Москву по поводу подметного письма, – природа у него такая, что влечет к тому, чтобы другим делать зло и в людях посеять смуту... вместе с Михайлом участниками были Дмитрашко Райча и Полуботок... Вот еще этот князь Юрий Четвертинский, пьяница, рассеивает в народе худые слухи на мой счет». Интриги Мазепы достигли цели: после неустанных наветов на Галицкого тот был подвергнут жестоким пыткам и сослан в Сибирь. Леонтий Полуботок сам бежал в Россию, чтобы

там оправдаться, но ничего не добился и был сначала сослан в свое имение, а затем заключен под стражу вместе с сыном Павлом.

В марте 1689 года русские войска под командованием Василия Голицына выступили в поход на Крым. Поход мыслился как удар по Турции, потому что крымское ханство было турецким вассалом. На Украине к Голицыну присоединился Мазепа с козацкими полками. Поход был очень тяжелым из-за недостатка воды и бескормицы, окончился он, как и предыдущий, фактически поражением. Но Голицын убедил правительницу Софью Алексеевну, что над неприятелем одержаны блистательные победы. На участников похода посыпались награды. Слабоумного царя Ивана нетрудно было обмануть. Но юный Пётр не захотел участвовать в комедии и укатил в Преображенское. Назревала гроза. Тут Петру сообщили, что стрельцы-сторонники Софьи замышляют убить его и мать, царицу Наталью Кирилловну. Пётр бежал в Троице-Сергиевскую лавру. Там образовалась как бы вторая столица. Бояре, патриарх, служилые люди постепенно переходили на сторону Петра.

В этот самый неподходящий момент в Москву прибыл гетман Мазепа со старшиной, полковниками и огромной свитой – больше трехсот человек. Так он демонстративно свою власть и влияние в Малороссии; так он оказывал уважение своему окружению и одновременно показывал, что и в столице с ним считаются...

На этот раз Мазепа дал маху – начал расхваливать подвиги Голицына: «Никогда еще не бывало бусурманам такого страха, как от князя Василия Васильевича, ближнего боярина!» Гостей с Украины тоже наградили, поселили в Посольском дворе – и забыли на месяц. Только тут гости узнали о грандиозных событиях. Правительница Софья Алексеевна по требованию Петра выдала ему стрельцов-заговорщиков, а ее фаворит Голицын приехал к Петру сам, но не был допущен к царю, а сразу отправлен в ссылку. Мазепа ждал беды и на свою голову, старшины за его спиной уже сговаривались, кого избрать новым гетманом... Наконец, Петр позвал посольство в Лавру, и 10 сентября 1689 года Мазепа предстал перед молодым Петром.

Запорожские козаки с картины Ильи Репина

Украинцам сразу дали понять, что гетман и его войско верно исполняли свой долг, а в преступлениях московских начальников не повинны. Мазепа приободрился. Он начал с жалоб на трудности своего сана, упомянул о преклонных годах и нездоровье. Потом заговорил увереннее и обещал служить царю верой и правдой до последней капли крови. Был у Мазепы и туз в рукаве: он поднес заготовленную челобитную, в которой «сдавал» своего поверженного благодетеля. Мазепа писал, что Голицын вымогал у него деньги и подарки – из конфискованного у Самойловича и из собственного «именьишка». Далее перечислялось: 11 тысяч рублей червонцами и ефимками, серебряной посуды более трех пуд, драгоценностей на 5 тысяч рублей, три коня турецких с убором... «Чародій» опять сумел выйти сухим из воды.

Меж Петром и Карлом

Около десяти лет, до начала Северной войны, Мазепа спокойно правил Украиной. Его ценили в Москве, он ладил со старшиной. Своими силами справлялся с внутренними смутами и отбивал набеги татар. А если собственных сил не хватало, звал на помощь русских. После позорного крымского похода Мазепа редко водил свои войска, а назначал одного из полководцев наказным гетманом с полномочиями командующего.

С Польшей у России был заключен мир, правда, охотники нарушить его с польской стороны находились. Мазепе предлагали вступить в переговоры, но гетман отказывался и выдавал посланцев русским властям.

Как человек образованный, Мазепа покровительствовал Киево-Могилянской академии, выстроил учебный корпус, присылал книги для библиотеки. Он построил и украсил две или три церкви за свой счет и еще примерно столько же перестроил из казенных средств – все в стиле барокко. Часто навещал он Печерский Вознесенский женский монастырь в Киеве, в который постриглась, овдовев, его мать – Мария Магдалина Мазепа. После избрания сына гетманом она стала игуменьей.

Положение Мазепы сильно упрочилось после участия козаков в Азовской кампании. Командовал козачьими полками черниговский полковник Лизогуб, назначенный наказным гетманом, а сам Мазепа с небольшим отрядом в составе войска Шереметьева стоял табором на реке Берестовой, не подпуская к Азову подкреплений неприятеля. 17 июля 1796 года крепость Азов была взята, Россия закрепила на берегу Черного моря. На обратном пути Пётр I встретился с Мазепой, наградил и щедро одарил гетмана и его полководцев.

Впоследствии в заграничных сочинениях появилась версия о личной обиде, будто бы нанесенной Петром Мазепе, она отразилась и в пушкинской «Полтаве»:

...Под Азовом
Однажды я с царем суровым
Во ставке ночью пировал...
Я слово смелое сказал.
...Царь, вспыхнув, чашу уронил
И за усы мои седые
Меня с угрозой ухватил...

Но Мазепа, как мы знаем, не был под Азовом. Он никогда не отваживался «слово смелое сказать» царю. И он был обласкан Петром, а не оскорблен. Немного позднее, в 1700 году, Мазепа стал одним из первых кавалеров ордена Андрея Первозванного, высшей награды империи. Легенда об усах Мазепы имеет, вероятно, более древнее происхождение: оскорбление усов и чуба издревле считалось величайшим унижением для запорожского козака. Известно, например, что Богдан Хмельницкий потребовал от поляков остриженный ус своего заклятого врага.

Положение на Украине стало меняться с началом Северной войны. Над Европой вззошла звезда шведского короля Карла XII. Он был непобедимым полководцем, кумиром, новым викингем. Молодой русский царь, заняв часть побережья Балти-

ки и основав там Санкт-Петербург, бросил вызов самому грозному противнику XVIII века.

Украина оказалась перекрестком движения российских войск. С этого времени к гетману постоянно поступали жалобы от полководцев и старшины на притеснения, чинимые русскими военными. Не в оправдание, а для понимания таких случаев надо заметить: у русских военных был приказ, и если для его выполнения требовались лошади, воля, фураж, их реквизируют. Но незаконные грабежи и насилия жестоко наказывались, мародеров казнили. Справедливости ради надо заметить, что и козаки в своих походах частенько грабили россиян.

По приказу Петра гетман Мазепа отправлял полки и отряды козаков далеко от дома – то на северо-запад России, то в Саксонию, то в Польшу. Козаки были недовольны обращением с ними российских офицеров и отношением местного населения. Видно, козаки Мировича в Польшу пошаливали. А полк Апостола своевольничал в Саксонии. К зиме Мирович и Апостол воротились домой, один из Польши, другой из Саксонии, жалуясь на холод и голод. Царь хотел их повесить за самовольный уход со службы, но гетман выпросил для них прощение. Кроме того, в самой Украине козаков привлекали к строительству укреплений. Начальство требовало с них как с простых мужиков, а козакам это не нравилось, иногда они бросали работу и расхаживали по домам.

В общем, настроение было такое: это не наша война, нехай москали сами воюют. Мазепа поддерживал недовольство полководцев и старшины. «Какого ж нам добра вперед надеяться за наши верные службы? – говорил он. – Другой бы на моем месте не был таким дураком, что по сие время не приклонился к противной стороне...» В то же время Петру он писал иное: «Пусть великий государь не слишком дает веру малороссийскому народу, пусть изволят, не отлагая, прислать на Украину доброе войско солдат, чтоб держать народ малороссийский в послушании и верном подданстве».

Война растянулась надолго. После неудачи под Нарвой Пётр избегал генерального сражения. Его союзники – датчане, саксонцы и поляки – были и слабы, и ненадежны. Карл, напротив, казался непобедимым, и немногие могли предугадать его будущее:

Венчанный славой бесполезной,
Отважный Карл скользил над бездной.

Мазепа, как и многие, считал, что победа будет за шведами, и начал осторожные переговоры. Через иезуита Зеленского и графиню Дольскую он наводил мосты, пока не давая никаких обещаний.

Разлюбезная Мотронько

«Богат и славен Кочубей» – так начинается «Полтава», так с первых строк разворачивается трагедия этой семьи. Василий Леонтьевич Кочубей, потомок крымского бая, приехавшего на Украину в XVI веке, был примерно одного возраста с Мазепой. Их «послужные списки» тоже схожи. Кочубей воевал, выполнял дипломатические поручения, служил у Дорошенко, затем перешел к Самойловичу, участвовал в его свержении. Женился на полковничьей дочери и при новом гетмане достиг чина генерального писаря, а позднее был избран генеральным судьей.

Так! было время: с Кочубеем
Был друг Мазепа; в оны дни
Как солью, хлебом и елеем,
Делились чувствами они.

А затем и породнились: племянник гетмана, Обидовский, женился на старшей дочери Кочубея, Анне, а младшей Кочубеевне, Матроне, Мазепа был крестным отцом. На Украине, надо заметить, кумовство почитается как духовное родство, крестные родители опекают крестников, пока они не встанут на ноги, а потом кре-

Матрёна Кочубей – крестница и поздняя любовь Ивана Мазепы

стники должны заботиться о крестных родителей.

В 1702 году Мазепа похоронил свою жену и вдовел два года. В ту пору ему было за шестьдесят, а Матрёна Кочубей – шестнадцать (в «Полтаве» героиня зовется Марией). Есть много толкований их взаимоотношений, Пушкин изложил свою, романтическую историю любви Марии и Мазепы. Если же придерживаться документов, дело обстояло примерно так. На глазах Мазепы росла и хорошела прелестная девушка. Конечно, он стар, но

...чувства в нем кипят и вновь
Мазепа ведает любовь.

«Чародій» пустил в ход приемы польской галантности, оказывал крестнице знаки внимания, говорил ей «Ваша Милость» и «разлюбезная Мотронько». Вероятно, Матрёна еще не приходило слышать изысканных речей, столь сладостных для девичьего уха, да еще от такого величавого господина. Наверняка возникло ответное чувство, иначе Мазепа не решился бы просить у Кочубея руки его дочери. Но родители решительно воспротивились этому предложению. Официальная причина отказа была в церковном запрете на браки между крестным отцом и крестницей. Однако такой опытный человек, как Мазепа, не заслал бы сватов, если бы не рассчитывал, что церковные власти снимут для него запрет (в особых случаях такие исключения делались для высокопоставленных персон). Наверное, главная причина отказа была другая. Скорее всего, Кочубеи прекрасно сознавали, кто такой Мазепа и в какую пропасть он может всех завести:

Что он не ведает святыни,
Что он не помнит благосыни,
Что он не любит ничего,
Что кровь готов он лить, как воду,
Что презирает он свободу,
Что нет отчизны для него.

После неудавшегося сватовства Матрёне пришлось выслушать от родителей немало горьких попреков, ее с тех пор не выпускали из дома. Но Мазепа и не думал отступать. Он присылал своего слугу Демьяна к дому Кочубеев, и через пролом в ограде посланец гетмана переговаривался с Матрёной. Затем Мазепа и сам приходил на свидания. К чему он склонял девушку, неизвестно, но кончилось тем, что Матрёна бежала к гетману. Возможно, этот безрассудный шаг не планировался заранее, а был следствием тягостного положения девушки в семье. А может быть, Мазепа рассчитывал, что теперь родители смирятся с выбором самой дочери. Но Кочубеи, обнаружив бегство Мат-

рёны, ударили в набат – в буквальном смысле слова. То есть вынесли свое горе на людской и Божий суд. А со стороны ситуация выглядела очень некрасиво: старик Мазепа похитил у родителей юницу-дочь. Гетман понимал, что это ему не простят. И, по здравому размышлению, отослал Матрену в родительский дом. Сколько времени она провела в покоех Мазепы и как далеко зашли их отношения, доподлинно неизвестно. Но некоторые строки из писем Мазепы к Матроне (их передавали слуга Мазепы Карп и служанка Кочубеев Малашка) дышат более чем нежностью: «мое серденько», «моя сердечно кохана», «целую все члонки тельца твоего беленького», «помни слова свои, под клятвою мне данные, в тот час, когда выходила ты из моих покоев...» Из писем Мазепы видно, что Матрёна сердится за то, что гетман отослал ее домой, что родители ее ругают (Мазепа негодует и называет ее

мать «катувкой» – палачихой, советует в крайнем случае уйти в монастырь). Но какой-то план действий у Мазепы был заготовлен, и об этом он напоминает возлюбленной: «Я с великою сердечною тоскою жду от Вашей Милости известия, а в каком деле, сама хорошо знаешь». Что задумал неугомонный старик?..

Кочубею Мазепа писал надменно и даже оскорбительно: «А что поминаешь в своем пасквильном письме о каком-то блуде, того я не знаю и не разумею». Он упрекал Кочубея в каких-то прежних проступках и вдобавок обвинял судьбу в том, что он находится под влиянием жены-злодейки. (Характеристика Любви Фёдоровны Кочубей как домашнего деспота попала в труды историков только со слов Мазепы, но можно ли ему верить? Известно, что прежде он весьма ценил Любовь Фёдоровну и вел с ней доверительные беседы. Возникшая взаимная ненависть наводит на подозрение: а не подкатывался ли к ней гетман в свое время? Тогда гнев обманутой женщины и оскорбленной матери становится более понятным.) В душе Матрёны обида на Мазепу боролась с любовью к нему. Гетман замечал это охлаждение: «Вижу, что Ваша Милость совсем изменилась своею любовью прежде ко мне. Как знаешь, воля твоя, делай что хочешь! Будешь потом жалеть...» Разумеется, и в этой перемене Мазепа винил Кочубеев, а он был не из тех, кто умеет прощать. «Больше не буду терпеть от врагов своих, сумею отомстить, а как, сама увидишь», – писал он в последнем послании к Матроне.

В конце концов общая обида Кочубеев вновь сплотила семью. Ослабели чары Мазепы, прошла и любовь Матрёны. Утихла справедливая ярость родителей. Осталась только боль. Та боль, которую одна месть способна утишить.

«Богат и славен Кочубей...» История о любви престарелого гетмана Мазепы к шестнадцатилетней Матроне Кочубей, рассказанная Пушкиным в поэме «Полтава», казалась современникам невероятной. Автору приходилось даже приводить в подтверждение исторические факты, хотя кое-что он, конечно, сочинил. Как любовник Мазепа еще может встретить сочувствие, но убийство отца своей возлюбленной прощению и забвению не поддается. «Однако ж какой отвратительный предмет! – писал Пушкин, – ни одного доброго, благосклонного чувства! ни одной утешительной черты! соблазн, вражда, измена, лукавство, малодушие, свирепость...»

Но, может быть, Александр Сергеевич сгустил краски?

Кочубей: награда за верность

Наружно страсти улеглись. Через два года к Матроне посватался молодой шляхтич Чуйкевич, и Кочубей, по обычаю, обратился за советом к куму. Мазепа ответил, что готов благословить брак крестницы, но рекомендовал судье не торопиться: в скором времени мы подыщем ей знатного пана, пообещал он. Эти слова окончательно убедили Кочубея, что Мазепа готовит измену. Дальнейшие действия Кочубея невозможно объяснить исключительно жаждой мести. Как показал под пытками один из свидетелей, «Кочубей зело плакал и говорил, что из-за измены гетманской быть Украине под ляхами».

В 1707 году Кочубей отправил в Москву попа Святайлу, затем монаха Никанора с устными предостережениями: «Гетман Иван Степанович Мазепа хочет великому государю изменить и Московскому государству учинить пакость великую». Делу хода не дали, только взяли Кочубея на заметку как «злодея». Видя, что проку от таких посланцев мало, Кочубей отправил своего друга, бывшего полковника Искру, к российскому полковнику Фёдору Осипову с сообщением о готовящейся измене. Просили Осипова передать эти сведения на самый верх, дабы друзья Мазепы не предупредили гетмана.

Но Мазепа все равно об этом проведал, написал Петру, что его снова оклеветали. Гетман попытался сам схватить Кочубея и Искру, но те успели сдаться полковнику Осипову, и таким образом их «дело» рассматривали царевы люди в Витебске. Кроме Кочубея и Искры, под следствием находились поп Святайло, монах Никанор, еще один гонец – выкrest Пётр Яценко, сотник Кованько и еще несколько человек, оказавшихся в курсе дела. Полковник Осипов был вне подозрений и выступал как свидетель.

Дознание вели канцлер Головкин и вице-канцлер Шафиров. Они не были «заплетных дел мастерами». Сначала сняли показания с Кочубея. Генеральный судья Украины выдвинул против Мазепы обвинения по 33 пунктам. Все они были правдой, а если в чем-то и не соответствовали действительности,

Василий Кочубей, поплатившийся жизнью за то, что хотел предупредить измену Мазепы

то это было искренним заблуждением Кочубея. Главное, он сообщал о переговорах Мазепы с неприятелем и даже называл связных – иезуита Зеленского и графиню Дольскую. Кроме того, Кочубей сообщал, что гетман окружил себя поляками, что держит для своей охраны 300 сердюков – наемников из иностранцев; что препятствует бракам и другим родственным отношениям украинцев с русскими; что укрепления городов пришли в упадок и не обновляются; что гетман отбирает маентности у семей заслуженных полковников и забирает их себе или дарит своим близким; что самовольно распоряжается войсковой казной, «берет из нее сколько хочет и дарит кому и сколько хочет». Значительная часть обвинений содержала высказывания Мазепы в присутствии разных лиц, в которых открыто или иносказательно говорилось

о намерении изменить. К сожалению, почти все пункты не подкреплялись доказательствами. Правда, Кочубей предъявил стихотворное сочинение Мазепы – «Думу», в которой автор сетовал на разобщенность украинцев, на то, что они служат то «поганым», то ляхам, то Москве, а в завершение писал:

*Самопалы заряжайте,
Остры сабли вынимайте,
Хоть за веру вы умрете
И свободу сбережете!*

Но роковую роль в «деле Кочубея» сыграл 14-й пункт обвинений. Кочубей свидетельствовал: Мазепа в своей гетманской столице Батурине узнал, что к нему едет государь. Мазепа заподозрил, что царь хочет его захватить и увезти в Москву, поэтому собрал своих сердюков для обороны.

Головкин и Шафиров сверили обвинения Кочубея с показаниями Искры и других «фигурантов». В проклятом 14-м пункте обнаружилось расхождение. Искра, рассказывая о Батуринском эпизоде полковнику Осипову, малость сгустил краски. По его словам выходило, что Мазепа намеревался захватить Петра и выдать шведам либо убить. На очной ставке Кочубей и Искра стояли на своем, потому что изменить показания означало признаться в клевете, тем более что речь шла о покушении на государя! Такое существенное расхождение в показаниях давало следователям законное основание применить пытку.

Однако решающим обстоятельством в этом деле стало доверие Петра к Мазепе. Царь писал следователям о доносителях: «чаю в сем деле великому их быть воровству и неприятельской подсылки». Судьба Кочубея и Искры была предreshена. К ним применили пытку – секли кнутом, а кнут палача рассекал кожу и мясо до костей. Искра отрекся от своих слов еще до бичевания, но ему все-таки дали 10 ударов. Кочубей понял, что его дело проиграно, и попытался хотя бы спасти семью от полного разорения. Он написал признание,

что «чинил донос на него, на гетмана, за домовую свою злобу, о которой, чаю, известно многим». И перед подписью своею вывел: «Погубитель дому и детей своих». Ему дали 5 ударов, минимальное количество, но и это едва не погубило 68-летнего судью. Бичевали также попа Святайлу и сотника Кованько. Когда их сняли с дыбы и положили на рогожи (чтобы кровь не пачкала пол), сотник сказал попу: «Отче Иване! Яка московская плеть сладкая. Купить бы жинкам в гостинец». – «А что тебя! – простонал поп. – Мало разве тебе спину исписали?»

По царскому указу Кочубея и Искру приговорили к смерти и выдали гетману для показательной казни. Перед казнью Мазепа приказал еще раз пытать Кочубея, чтобы тот выдал, где спрятаны его деньги и ценное имущество. Кочубея жгли каленым железом всю ночь перед казнью, и он рассказал, где спрятаны деньги и кто ему должен. Эти «кровавые деньги» поступили в сокровищницу гетмана. 14 июля 1708 года безвинным страдальцам отрубили головы.

Мазепа тогда натерпелся страху, но в результате почувствовал себя даже увереннее, чем прежде. Он расправился с опаснейшими врагами, а царь еще раз доказал свою приязнь. Оставались считанные месяцы до измены Мазепы – Петру, России, Украине и украинцам.

Обезглавленные тела Кочубея и Искры были переданы родственникам и погребены в Киево-Печерской лавре. Впоследствии на гробовом камне высекли надпись:

*Поскольку нам смерть
повелела молчать,
Сей камень о нас должен
людям вещать:
За верность к Монарху
и преданность нашу
Страданья и смерти
испили мы чашу...*

Мазепа: награда за предательство

В 1708 году Карл XII начал наступление в Россию. До этого он добился больших успехов в Европе: занял часть Польши, включая Варшаву, а в Германии захватил Саксонию. Курфюрст Саксонии и одновременно король Польши Август лишился польской короны и заключил со шведами мир. Карл посадил на польский трон своего ставленника Станислава Лещинского. Отказалась от продолжения борьбы со шведами и Дания. Россия осталась один на один с грозным врагом. Положение России казалось молодому царю настолько тяжелым, что он подписывался: «Печали исполненный Пётр».

Польша и Швеция все настойчивее склоняли Мазепу на свою сторону. Гетман считал, что Россия скоро падет, начнется «передел собственности». Без хозяина Украина, конечно, не останется, опять отойдет к Польше. Но на первых порах польское правление будет довольно мягким, а потом... Да сколько ему осталось-то, Мазепе? Лишь бы при власти!

Гетманы всегда предавали Россию в самый трудный момент. При этом и речи не шло о «незалежности» и «самостоятельности»: только о смене подданства и о временных выгодах для гетмана и его окружения. Но теперь Мазепа еще выжидал и ограничивался скрытым саботажем. Час открытой измены еще не пришел. Хотя поляки и шведы торопили, требовали от гетмана определенности. Графиня Дольская присылала шифрованные письма. Она призывала Мазепу «начинать преднамеренное дело», обещала, что скоро ему будут присланы предложения короля Станислава Лещинского и гарантии короля Карла XII. Мазепа медлил.

В это время русские войска в битве при деревне Лесная разгромили шведский корпус генерала Левенгаупта. Это была первая и очень важная победа русского оружия в Северной войне. Карл XII отказался от похода прямо на Москву и повернул на Украину, рассчитывая в том числе на помощь Мазепы. Теперь гетман уже не мог только выжидать, надо было выступить на той или другой стороне. Однако непосредственно подтолкнули Мазепу к действиям обстоятельства, можно сказать, эмоционального порядка.

Мазепа и Карл XII перед Днепром. Картина шведского художника Седерштрома

► Мазепа давно видел соперника в царском любимце князе Александре Даниловиче Меншикове. Когда-то Мазепа сватал своего племянника Войнаровского за сестру Меншикова, и князь его обнадеежил, а потом отказал. Мазепа этого не забыл. И вот Пётр приказал Мазепе с козаками в случае необходимости повиноваться распоряжениям Меншикова. Гетман воспринял это как прямое оскорбление: «Не жалостно было бы, если б меня отдали под команду Шереметева или иного какого-нибудь великоименитого или от предков заслуженного человека!»

А тут еще пришла очередная шифровка от графини Дольской, в которой она сообщала, что Меншиков «яму под ним роет и хочет, отставя его, сам в Украине быть гетманом». Большого удара для Мазепы и выдумать было нельзя. Гетман решил.

Первым, кого Мазепа вовлек в заговор, был генеральный писарь Пилип (Филипп) Орлик. Он давно и верно служил гетману, выполнял все его приказы, даже самые жестокие. Это Орлик пытал несчастного Кочубея. Не без колебаний Орлик примкнул к гетману. Мазепа заставил Орлика присягнуть на распятии и Евангелии в верности его замыслам. А затем присягнул и сам. Если задуматься, в чем они божились? Поразительно – они клялись в предательстве. Затем этот кощунственный ритуал совершили и примкнувшие к Мазепе старшины – обозный Ломиковский, полковники Горленко, Апостол и Зеленский. Мазепа сумел повернуть разговор так, что сами заговорщики просили его отправить гонца к шведскому королю. В окончательном виде договор Мазепы с Карлом XII и Станиславом Лещинским был таков: гетман просил шведского короля вступить на Украину и освободить ее от московской тирании; обязывался подготовить для шведов зимние квартиры в нескольких укрепленных городах; доставлять шведскому войску провиант; обещал привести под его знамена 20 000 козаков, а кроме того, склонить к союзу со шведами донских казаков и калмыцкого хана Аюку.

Был еще заключен отдельный, секретный договор со Станиславом Лещинским. Мазепа отдавал всю гетманскую Украину под власть Речи Посполитой (союз Польши и Литвы); Мазепе за это было обещаны во владение воеводства Полоцкое и Витебское и княжеский титул (то есть по европейским меркам он становился герцогом, подобно Курляндскому и другим). Разумеется, содержание этого «секретного протокола» Мазепа не сообщил своим сторонникам. Он прекрасно знал, что украинцы по своей воле не пойдут под власть поляков. Наоборот, Мазепа убеждал заговорщиков, что хочет вернуть Украине «вольности, от которой москали оставили только тень».

Чем ближе к развязке, тем больший страх переживал Мазепа. Для русских он уже давно прикидывался больным, а те-

Иван Мазепа и Филипп Орлик – «гетман в изгнании», признавший вечный протекторат Швеции над Украиной

25 октября Мазепа переправился через Десну, с ним было не больше пяти тысяч козаков. Только здесь они узнали, что гетман ведет их не против шведов, а против русских. Мазепа обратился к своему отряду с речью. Козаки выслушали речь гетмана молча. В тот же день Мазепа был уже в расположении шведских войск. Измена свершилась. Через три дня Мазепа привел свой отряд к присяге. По разным сведениям, под его началом оказалось от нескольких сот до полутора тысяч козаков.

Крах

Пётр был, конечно, потрясен предательством Мазепы. Но быстро предпринял решительные меры. Он разослал во все полки, города и крепости манифест об измене «иуды Мазепы». Царь обещал амнистию и сохранение чинов и маестностей всем, кто оставит изменника и вернется к прежней службе. Наконец, он заявлял о верности украинцев союзу с Россией и запрещал попрекать их предательством Мазепы. Затем Пётр I созвал старшину, полковников и значных козаков в город Глухов для избрания вольными голосами нового гетмана.

В то же время Мазепа рассылал свои «универсалы», но они никого больше не соблазнили. Напротив, из всех полков

Сечевики перепились и начали тащить со стола серебряную посуду. А когда кто-то сделал им замечание, его тотчас зарезали. Впрочем, это были отчаянные рубахи. Уцелевшие остались с Мазепой до конца.

А Меншиков уже давно был под Батурином – он приехал, еще не зная об измене, его должен был ждать «мнимый больной», а встретил он запертые ворота замка с вооруженными сердюками под командованием атамана Чечеля. Батурин надо было брать немедленно – там Мазепа собрал провиант, артиллерию и боеприпасы для шведов и своего мятежного войска. К тому же Карл XII с Мазепой также спешно двигались к Батурину. Атаман Чечель просил у Меншикова три дня на сдачу, но это была явная уловка. Штурм начался, и 31 октября Батурин был взят, почти все начальники сердюков попали в плен.

5 ноября в Глухове состоялось символическое отрешение Мазепы от должности. С куклы, изображавшей Мазепу, была снята кавалерия – андреевская лента, – затем муляж был повешен (такие политические спектакли уже разыгрывались во Франции и в Англии). А на другой день новым гетманом Украины был избран стародубский полковник Иван Ильич Скоропадский. Киевский митрополит с другими иерархами предали Мазепу анафеме.

как друг в друга, так и в своих стратегических расчетах.

Мазепа решил «отыграть назад»: он послал к царю полковника Апостола с предложением ни много ни мало предать в его руки шведского короля с генералами, а взамен просил полного прощения и возвращения прежнего гетманского достоинства. Предложение было такое смелое, что Пётр не сразу поверил Апостолу. Посовещавшись с министрами, царь послал свое согласие, но только в случае, если Мазепа сумеет «добыть главнейшую особу». Думается, со стороны Мазепы это был блеф – сил для пленения Карла не было. Пётр наверняка это понимал. Очередная авантюра Мазепы окончилась ничем, но веры к нему теперь не стало и у ближайших соратников. Полковник Апостол и многие его товарищи вернулись под царскую руку.

Потом, после битвы, было бегство Мазепы с Карлом и остатками его войска. Старик даже опередил короля, первым переправившись через Днепр. Он знал, что для Карла даже плен будет почетным, а вот его ждет позорная казнь. Беглецы перевели дух, только оказавшись в Бендерах, во владениях турецкого султана.

Пётр I очень хотел заполучить Мазепу и предложил туркам большие деньги за его выдачу. Но Мазепа заплатил еще больше и таким образом откупился. У него оставалось еще очень много денег. Но по большому счету у него не было ничего: ни жены, ни детей, ни настоящих друзей. А что имел – потерял. Поместья, крепостные, власть – все осталось позади и в прошлом. Жить стало незачем. И Мазепа умер 22 августа 1709 года в селе Варница близ Бендер. Ходили слухи, что старик отравил себя ядом, чтобы не быть выданным Петру I. Мазепу похоронили в монастыре Св. Георгия в румынском городке Галаце. Позднее поверх гроба Мазепы захоронили какого-то молдавского боярина. По шведским же источникам, останки Мазепы вскоре перезахоронили в Яссах. Немудрено, что Пушкин в 1824 году не отыскал его могилу.

С тех пор многие писатели, историки, политики и публицисты давали оценки Мазепе. Но лучше Пушкина не скажешь: «Мазепа есть одно из самых замечательных лиц той эпохи. Некоторые писатели хотели сделать из него героя свободы, нового Богдана Хмельницкого. История представляет его честолюбцем, закоренелым в коварстве и злодеяниях, клеветником Самойловича, своего благодетеля, губителем отца несчастной своей любовницы, изменником Петра перед его победой, предателем Карла после его поражения: память его, преданная церковью

Со школьных лет остается воспоминание, что измена Мазепы совершилась чуть ли не на поле Полтавской битвы. Может быть оттого, что эти два события совмещены и в пушкинской «Полтаве». На самом деле между бегством Мазепы в лагерь шведов и Полтавским сражением прошло 8 месяцев.

перь, заключив предательский договор, стал уверять, что чуть ли не при смерти. На совещание к Меншикову вместо себя отправил племянника Войнаровского. 23 октября 1708 года Войнаровский тайком вернулся и сообщил Мазепе, что Меншиков сам назавтра будет здесь. Мазепа так боялся разоблачения, что у него попросту сдали нервы. Он поспешил в свой Батурин. Там он прихватил часть своей казны, наскоро организовал оборону и бежал дальше. (Подробнее см. «Совершенно секретно», № 8, 2003.)

и городов стали поступать челобитные царю о преданности козаков и простых украинцев, притом даже из мест, не занятых русскими войсками. То есть эти заявления преданности никак нельзя считать вынужденными.

Только часть запорожцев-сечевигов соблазнились предложениями Мазепы и шведов. Три тысячи козаков во главе с атаманом Костей Гордиенко явились в шведский лагерь. Они сразу поразили союзников своим буйством. Мазепа пригласил запорожцев в свой шатер на обед.

Со школьных лет остается такое воспоминание, что измена Мазепы совершилась чуть ли не на поле Полтавской битвы. Может быть оттого, что эти два события совмещены и в пушкинской «Полтаве». На самом деле между бегством Мазепы в лагерь шведов и Полтавским сражением прошло восемь месяцев. С первых шагов шведских войск по украинской земле население оказывало им сопротивление. Мазепе нелегко было оправдываться перед Карлом. Кажется, оба начинали понимать, что ошиблись –

анафеме, не может избежать проклятия человечества».

Но оказалось, что Мазепа оставил наследников. Господа «мазепаны» продолжают «делать из него героя свободы».

Наследники по прямой

Продолжателями политики Мазепы, или «дела Мазепы», как говорили его сторонники, были генеральный писарь Филипп Орлик и самый близкий к Мазепе человек, его племянник Андрей Войнаровский. Кроме того, Войнаровский унаследовал и часть богатств Мазепы, в том числе, возможно, и долговое обязательство Карла XII – король занял у Мазепы 240 000 талеров. Вряд ли швед смог расплатиться.

В 1710 году в Бендерах состоялась рада – козаки, бежавшие с Мазепой, выбрали «гетмана в изгнании». Эти два сравнительно молодых человека – Орлику под сорок, Войнаровскому едва за тридцать – оказались соперниками. Козаки не любили Войнаровского с давних пор, подозревали, что Мазепа готовил его себе в преемники. К тому же, по мнению козачков, Войнаровский был слишком молод. Но главное, кандидатуру Орлика одобрил Карл XII. В результате Филипп Орлик был избран гетманом – понятно кого, но неизвестно чего.

Орлик подписал «статьи», или новый договор, с Карлом XII, в котором признавался вечный протекторат Швеции над Украиной. Этот документ, составленный в жанре политической фантастики, мазепаны громко окрестили «Конституцией Филиппа Орлика». В 1711 году Орлик вместе с крымскими татарами участвовал в набеге на Украину. Но уже к 1714 году у гетмана Орлика почти не осталось подданных. Он перебрался в Швецию и жил там на субсидию шведского правительства. Затем, по одним сведениям, поехал в Турцию и был там убит при неизвестных обстоятельствах в 1728 году, по другим – еще долго ездил то в Германию, то в Польшу, то во Францию, стараясь организовать интервенцию в Россию, и только потом уехал в Турцию, где и умер в 1742 году.

Покойный Мазепа сознательно готовил племянника Андрея Войнаровского к политической карьере. Дядя отправил Андрея учиться в Киево-Могилянскую академию, затем в немецкий университет. Впоследствии Войнаровский выполнял ответственные поручения Мазепы, последовал за ним в изгнание и, наконец, закрыл ему глаза на смертном одре.

Еще в студенческие годы, в Дрездене, Андрей встретил графиню Аврору Кенигсмарк, даму из высшего света. Она была не только хороша собой, но и образованна, талантлива, сочиняла стихи и музыку и даже написала одну оперу. Несколько раньше Аврора была фавориткой саксонского курфюрста и польского короля Августа и родила от него сына. А теперь увлеклась красивым и образованным малороссом. Потом они надолго расстались – Войнаровский вернулся на Украину, где был свидетелем и активным участником драматических событий.

Еще в Бендерах Андрей женился на Анне Минович, дочери бывшего полковника Миновича, тоже похороненного в чужой земле. (О другом его потомке – поручике Василии Миновиче – можно прочитать в очерке «Секретный император» в «Совершенно секретно», №№ 10-11, 2004.) Затем, уже в чине полковника шведской армии, Войнаровский колесил по Европе и повсюду искал союзников для борьбы с Россией. Летом 1716 года он приехал в ганзейский «вольный город» Гамбург, там в это время жила графиня Кенигсмарк. Продолжение романа оказалось «с интересом»: Аврора была хозяйкой великосветского салона, в котором бывали и аристократы, и дипломаты. Здесь политэмигрант близко сошелся с английским дипломатом Матесоном. Пропаганда Войнаровского совпадала с озабоченностью ан-

Култ Мазепы подкрепляется украинской монументальной пропагандой. Первый памятник ему был поставлен в Мазепинцах на Киевщине еще в 1994 году.

глийского кабинета усилением России в Европе и в особенности на Балтике. Войнаровский просил прямой поддержки «козацкой нации, ныне уничтоженной в своих правах и вольностях. Англия знает, какое это страдание для всей нации быть в неволе, тем более что козацкая нация является свободолубивой».

Пётр I был уже научен горьким опытом тайных сговоров, поэтому приказал захватить Войнаровского. Местному агенту Фридриху Биттигеру было поручено организовать похищение и денег на это не жалеть. Кроме того, в Гамбург командировали группу офицеров под командованием Александра Румянцева (он впоследствии вывез из Вены царевича Алексея Петровича).

11 октября 1716 года Андрей Войнаровский, отобедав у Авроры, вышел к своей карете, но тут подкатила другая, эмигранта толкнули в нее и увезли в русское дипломатическое представительство. Уже на следующий день об инциденте с украинцем дипломаты доносили своим правительствам. Особенно резко выступили, естественно, Швеция и союзная ей Франция. Власти Гамбурга пребывали в растерянности – страдал престиж вольного ганзейского города.

Пётр I мог решить проблему очень просто: драгунские полки фельдмаршала Шереметева стояли в Магдебурге, в одном переходе от Гамбурга. Но царь не захотел укреплять репутацию «русского медведя». Пётр нашел более изящное решение. В Гамбург приехала гофмейстерша императрицы, бывшей в то время на сносях, – Екатерине почему-то захотелось рожать именно в Гамбурге. Гофмейстерша подыскивала приличный дворец и хороших лекарей. Между прочим, она встретила с графиней Кенигсмарк и сообщила, что если Войнаровский сдастся добровольно, царь поступит с ним «благосклонно». В результате 5 декабря Войнаровский неожиданно обратился в гамбургский магистрат с просьбой выдать его русским властям, что и было с готовностью исполнено. Войнаровского тотчас увезли в Россию в той же карете с зашторенными окнами.

Семь лет в Петропавловской крепости не назовешь «благосклонностью», впрочем, если сравнивать с колесованием... Затем Войнаровского отправили в Якутск, с ним ехала только жена. Да, любовницы сопровождают мужчин в оперу или во дворец, но в ссылку за ними едут только жены.

На этом окончилась «дело» Мазепы, и началось «слово»: «герой свободы» переместился из жизни в литературу, в историческую науку и в публицистику.

Наследники по кривой

Вскоре после опубликования пушкинской «Полтавы» в России появился загадочный документ – рукопись под названием «История Руссов или Малой России». Ее привез с Украины

Григорий Полетика. Первая часть «Истории» в основном повторяла древнерусские летописи, зато вторая представляла «новый взгляд» на формирование украинской нации и государственности. И Мазепа предстал там во всей красе – как устроитель земли малороссийской.

С конца XIX века в российской и советской исторической науке считалось неприличным использовать «Историю Руссов» как документ. Только украинские авторы зарубежья охотно пересказывали ее. Так, историк Александр Оглоблин объявил «Историю Руссов» «декларацией прав украинской нации» и «вечной книгой украинского народа». В 1922 году Оглоблин стал профессором Киевского рабоче-крестьянского университета, через четыре года защитил докторскую диссертацию. Сразу после фашистской оккупации Оглоблин был назначен первым бургомистром Киева. Благодаря его усилиям вновь пошли трамваи, заработали телефонная сеть, водопровод, электростанция. В период его правления начались казни в Бабын Яр. После войны Оглоблин бежал в США. Главную свою книгу, монографию «Гетман Иван Мазепа и его правление», Оглоблин написал к 250-летию смерти Мазепы. По его мнению, цели Мазепы были благородны, замыслы дерзновенны: «Восстановление мощной автократичной гетманской власти и строительство державы европейского типа, со сбережением системы козацкого строя».

Такие откровения перекочевали в сочинения историков и публицистов послевоенной Украины. Заголовок в киевской газете «Иван Мазепа: оправдан историей» исчерпывает все содержание статьи. Видимо, начитавшись таких статей, Виктор Ющенко, в бытность свою кандидатом в президенты, посетил Батурина, воздвиг там крест в память 21 тысячи (!) погибших и предложил ежегодно отмечать день их памяти. В день инаугурации президент получил в подарок реликвию – нателный крест отлученного от церкви Мазепы.

Неудивительно, что в учебнике по истории Украины для пятого класса теперь утверждается, что «Иван Мазепа стремился сделать Украину великим европейским государством, освободить из-под гнета Московского царства».

Култ Мазепы подкрепляется монументальной пропагандой. Первый памятник ему был поставлен в Мазепинцах на Ки-

евщине еще в 1994 году. При участии Украины в 2004 году установлен памятник Мазепе в румынском городе Галаце. Обсуждается проект памятника в Полтаве, но пока все представленные на конкурс работы напоминают либо Дон-Кихота, либо арабского полководца...

Фильм знаменитого кинорежиссера В. Ильенко «Молитва о гетмане Мазепе» переводит все вышесказанное на язык кинокошмара, где кровь течет рекой, головы рубят, как капусту, жена Кочубея мастурбирует с отсеченной головой мужа, а Пётр I насилует солдат. Впрочем, есть в фильме глубоко символический эпизод: царь стоит над могилой Мазепы, вдруг из-под земли появляется рука гетмана и хватается Петра за горло. Да, иногда они возвращаются...

Отдельная история – борьба церковных и светских мазепанов за отмену анафемы Мазепе. Хотя имя его не упоминается в церковных службах с 1865 года, но когда в Воскресенье Торжества Православия проклинают еретиков, отлученных от церкви, то подразумевается, что Мазепа среди них. Как пробный шаг к отмене анафемы 10 июля 1918 году в Киеве на площади перед Софийским собором состоялась панихида по Мазепе. Это мероприятие было задумано как ответ Москве на празднование годовщины Полтавской битвы. Однако ни гетман Скоропадский, ни члены его кабинета, ни митрополит Киевский Антоний (Храповицкий) явиться на панихиду не решились. Так что «праздник непослушания» не совсем удался. Затем разговоры об отмене анафемы притихли, но сейчас снова оживились в печати. Основной аргумент мазепанов таков: анафема была наложена нецерковным органом – Священным Синодом. Но тогда получается, что все решения Синода за полтора столетия незаконны и должны быть отменены. На самом-то деле в 1708 году Синод еще не был учрежден. Правда, и Патриарха не было, но церковь управлялась, как и положено, Местоблюстителем Патриаршего Престола – им был тогда Стефан Яворский, природный украинец.

Сегодня украинцам навязывают Мазепу как главного национального героя. В моде folk-history – красивая, комфортная, в сущности, насквозь коммерческая. А настоящую-то историю – кто ее читает?

Иллюстрации из архива автора

Собачье сердце и другие эксперименты

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ СЮЖЕТ ПОВЕСТИ МИХАИЛА БУЛГАКОВА «СОБАЧЬЕ СЕРДЦЕ» ОСНОВАН НА РЕАЛЬНЫХ СОБЫТИЯХ

■ Сергей МАКЕЕВ

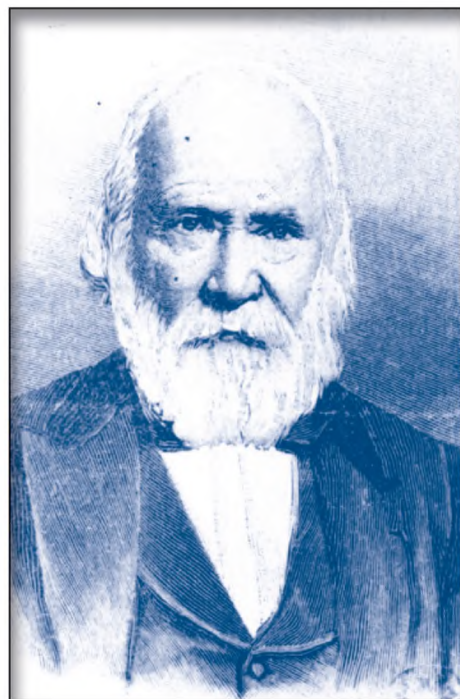
Публикация 2012 года

Да разве могло такое быть – пересаживать людям органы животных для омоложения, для создания более совершенной, так сказать, породы человека? Ну ладно прививать черенки растений по методу Мичурина, но чтобы такие опыты над людьми...

Однако наука в XIX веке опережала порой самую смелую фантастику. И Михаил Афанасьевич Булгаков, опытный врач с широким профессиональным кругозором, прекрасно знал о таких экспериментах. Кстати, они отразились в произведениях и других известных авторов.

«Секардин» – эликсир молодости

В 1817 году в британской колонии на острове Маврикий в американско-французской семье появился удивительный ребёнок. Даже имя и фамилия у него были двойные, франко-саксонские: Шарль Эдуард Броун-Секар. Можно было поставить через запятую: гражданин мира.

Изобретатель чудо-эликсира «Секардин»
Шарль Эдуард Броун-Секар

Отец его, моряк, однажды не вернулся из плавания, и мать одна воспитывала сына. Шарль Эдуард усвоил в основном французскую культуру, хотя до конца своих дней говорил с заметным английским акцентом. Юношей он уехал в Париж учиться на врача. Впоследствии много ездил по свету, работал в разных странах, но именно Франция оставалась его alma mater, а затем и родиной его славы.

В 1846 году молодой врач вернулся на остров Маврикий. Как раз в это время на острове вспыхнула эпидемия холеры, и Броун-Секар самоотверженно сражался за жизнь больных. Уже в эти годы он сочетал врачебную практику с научными исследованиями.

Затем он отправился на родину отца, в Соединённые Штаты, работал в ведущих госпиталях, преподавал в Гарвард-

ском университете. Через несколько лет Броун-Секар переехал в Лондон, где несколько лет трудился в госпитале для паралитиков и эпилептиков. И всюду он проводил глубокие исследования, писал учёные труды, обогатившие медицинскую науку. Часто учёный ставил опыты на самом себе, хотя в печатных трудах ссылаясь на анонимных пациентов.

Ему было уже за пятьдесят, когда он получил французское гражданство и с тех пор уже не покидал Францию. В 1869 году он стал профессором медицинского факультета, а ещё через десять лет возглавил факультет экспериментальной физиологии в Коллеж де Франс. Там и проходили его смелые эксперименты по трансплантации тканей и органов животных. В 1886 году Броун-Секар был избран членом Французской академии наук.

К семидесяти годам профессор ощутил заметное снижение умственной и физической активности. А впереди ещё столько работы, столько замыслов!.. Он вспомнил, что у животных пик активности совпадает с периодом полового созревания. Это наблюдение и послужило толчком к новой серии экспериментов. Причём в качестве «подопытного кролика» выступил сам учёный. Он делал настой из тканей, взятых из яичек молодых собак и морских свинок; эту жидкость учёный впрыскивал себе под кожу. Инъекции были чрезвычайно болезненны. Но вот боли утихли, и старик профессор ощутил, что к нему постепенно возвращается былая сила, острота ума, повышается и сексуальный тонус.

1 июня 1889 года Шарль Эдуард Броун-Секар сделал доклад в Биологическом обществе. Это была научная сенсация! Профессор сообщил коллегам о полученных результатах: приводил конкретные данные об увеличении мышечной массы, улучшении работы прямой кишки и мочеполовой системы, активности мозга. Коллеги стоя аплодировали учёному.

Доклад вскоре вышел брошюрой и стал широко известен. Стареющие богачи и знаменитости, особенно женского пола, завалили профессора мольбами: верните нам молодость! В целях финансового обеспечения дальнейших исследований Броун-Секар начал продавать

экстракт для инъекций под названием «Секардин». Публика сразу окрестила препарат «эликсиром молодости».

В разгар ажиотажа вокруг «Секардина» его создатель с ужасом почувствовал, что его состояние ухудшается, наступает полный упадок сил, умственной и сексуальной активности. Процесс старения ускорился, светило медицины закатилось и угасло через пять лет.

Уже при жизни имя Броун-Секара обросло легендами. Рассказывали, что во время эпидемии холеры он ел экскременты инфицированных больных, чтобы на себе испытать симптомы наступления болезни; что он вводил свежую кровь в отсечённую голову казнённого преступника, пытаясь её оживить; что он пересаживал собаке вторую голову, привил кошачий хвост петуху... Неудивительно, что образ этого учёного-экспериментатора отразился в современной ему литературе. Например, поэт и писатель Вилье де Лиль-Адан изобразил Броун-Секара в новелле из цикла «Странные истории».

Впоследствии учёные выяснили, что вещество, извлечённое Броун-Секаром из яичек животных, не влияло на гормональную деятельность организма человека. А первоначальный эффект, испытанный стариком профессором и некоторыми пациентами, был следствием психологических причин, так называемого плацебо.

Эксперименты доктора Воронофф

Несмотря на это заблуждение Броун-Секара (сколько их знает история науки!) медики высоко ценили его труды. А для некоторых коллег конфуз с «эликсиром молодости» выглядел не как поражение, а как заманчивое направление для дальнейших исследований. Таким продолжателем оказался наш соотечественник, ставший знаменитым французским хирургом.

Самуил Абрамович Воронов родился в еврейской семье, в деревне под Вороным, в 1886 году. В возрасте восемнадцати лет он эмигрировал во Францию и там стал именоваться Серж Воронофф (в русской печати его принято называть

Сергеем Вороновым, не будем нарушать традиций).

Сергей Воронов учился на медицинском факультете, это был необыкновенно талантливый юноша, и с учителями ему тоже повезло – его наставником стал выдающийся биолог и хирург Алексис Каррель, лауреат Нобелевской премии по физиологии и медицине. Благодаря своим учителям и собственным успехам Воронов получил французское гражданство.

Молодой хирург с большим интересом отнёсся к экспериментам старшего коллеги Шарля Эдуарда Броун-Секара. Сергей Воронов впрыснул себе «Секардин», но не испытал заметного изменения состояния. Он понял, что препарат не содержит гормонов, омолаживающих организм и задерживающих старение. Но эта чрезвычайно заманчивая идея уже не оставляла его всю жизнь.

Вскоре Сергей Воронов получил весьма выгодное предложение – стать личным врачом вице-султана Египта. Четыре года он работал в этой стране и там неоднократно общался с евнухами. Изменения в организмах евнухов после кастрации чрезвычайно интересовали Воронова, он собрал уникальные данные по этой теме. Уже тогда он понял, что не инъекции, а лишь хирургическое вмешательство может привести к омоложению организма.

Вернувшись в Париж, Воронов начал серию экспериментов по трансплантации тканей животных больным людям. Срезы с желез шимпанзе он пересаживал пациентам, страдающим заболеваниями щитовидной железы. Операции приносили заметный эффект. Этот метод оказался действенным и при лечении слабоумия. Имя Сергея Воронова прогремело и в России. Иллюстрированный еженедельник «Искры» писал в 1914 году:

«Сенсационное открытие. Во Французской медицинской академии наш соотечественник, доктор Сергей Воронов, сделал сенсационное сообщение об операции, произведённой им в его клинике над 14-летним мальчиком-идиотом. С шестилетнего возраста умственное развитие этого мальчика остановилось, причём явно обозначались все признаки ненормальности и кретинизма: потухший взгляд, тупость и непонимание самых обыкновенных вещей. Воронов сделал этому мальчику прививку зобной железы обезьяны. Успех превзошёл ожидания. У мальчика ожил взгляд, появились умственные способности, понятливость, любознательность. Доктор Воронов – бывший сотрудник Карреля».

Одновременно Воронов проводил эксперименты по омоложению на животных – овцах, козах и быках. Он пересаживал тонкие срезы с яичек молодых особей в мошонку старых животных, в результате они обретали энергию и прыть юных. Наконец дошла очередь до обезьян и людей. Рассказывают, что первые пересадки людям Воронов сделал для миллионеров, а яички он брал у казнённых преступников. Понятно, этот «материал» был ограничен, поэтому основными «донорами» стали шимпанзе и бабуины. Первая официально зафиксированная операция по пересадке желез обезьяны человеку состоялась 12 июня 1920 года. А уже через три года Сергей Воронов сделал сенсационный доклад

на Международном конгрессе хирургов в Лондоне. Семьсот коллег аплодировали успехам Воронова. Его опубликованные работы, например «Омоложение прививанием», стали широко известны во всём мире, в том числе и в Советской России.

Уникальный метод доктора Воронова сделал его богатейшим медиком мира. Операции в его клиниках во Франции и в Алжире были поставлены на поток. Его клиентами стали миллионеры, политики, звёзды сцены и экрана. Чтобы удовлетворить растущий спрос на пересадочный материал, ему пришлось завести собственный обезьяний питомник.

Воронов и сам вёл жизнь богача и звезды: снимал первый этаж первоклассного отеля, содержал двух любовниц, большой штат прислуги, секретарей, охранников и шофёров. Впрочем, и его законные жены не жаловались на недостаток внимания со стороны супруга, но первые две умерли одна за другой, лишь третья пережила своего мужа.

Слава Воронова была немного «засалена», как говорят французы. Доктор не скрывал, что его операции ведут в том числе к бурной сексуальной активности, отсюда нездоровый ажиотаж вокруг его деятельности. Манипуляции с яичками стали темой множества анекдотов и эстрадных куплетов в Старом и в Новом Свете. Во Франции в эти годы вошла в моду пепельница, украшенная статуэткой обезьяны, прикрывающей лапами гениталии, и надпись: «Нет, Воронофф, меня не возмёшь!» С другой стороны, вдумчивые авторы высказывали опасения – ведь никто не знал, какие последствия ждут пациентов Воронова в будущем и каким будет их потомство.

В действительности эффект операций Воронова, как и инъекций Броун-Секара, оказался непродолжительным. Впоследствии учёные установили, что вещество, содержащееся в яичках, – это тестостерон, он оказывает лишь временное воздействие на организм человека. Научное сообщество отвернулось от Воронова, газеты, прославлявшие его эксперименты, теперь издевались над ним. На него возводили напраслину, например, уже в 1990-е годы высказывались предположения, что это он в ходе своих операций занёс вирус СПИДа человеку. Только в последнее время медицина вновь признала заслуги Воронова в борьбе со старостью.

Загадка для Шерлока Холмса

Эксперименты Броун-Секара и Воронова нашли отражение в рассказе Артура Конан Дойла «Человек на четвереньках» – он был опубликован в периодике в начале 1920-х годов, а затем вошёл в книгу «Архив Шерлока Холмса» – последний сборник о великом сыщике. «Человек на четвереньках» не совсем обычный рассказ этого цикла, его сюжет основан на фантастике. Поскольку он редко публиковался в России, кратко перескажу его содержание.

Молодой человек, ассистент пожилого учёного-физиолога, обратился к Шерлоку Холмсу, предчувствуя неминуемую беду. Поведение патрона стало необъяснимым: в старике проснулась пылкая страсть к юной девушке; периодически, через равные промежутки времени, им овладевали приступы агрессии; профессор получал загадочные письма и посылки от тщательно скрываемых адресатов; наконец, и собственная собака стала бросаться на него. Последнее обстоятельство особенно заинтересовало сыщика: «...Отчего овчарка профессора Пресбери, верный пёс по кличке Рой, норовит искушать хозяина?» (Заметим в скобках, что главные действующие лица этой истории, как и в «Собачем сердце», – профессор, ассистент и собака.)

Тем временем события развивались стремительно – однажды ночью ассистент столкнулся в тёмном коридоре с профессором: «Он продвигался ползком, мистер Холмс, да-да, ползком! Точнее, даже на четвереньках, потому что он опирался не на колени, а на полную ступню, низко свесив голову между руками. При этом двигался он, казалось, с лёгкостью».

Потом и дочь профессора видела ночью лицо отца за своим окном на третьем этаже: «Да, это было его лицо,

прижавшееся к оконному стеклу: он глядел на меня, подняв руку, словно пытаюсь открыть окно. Если бы ему это удалось, я, наверное, сошла бы с ума».

Сыщику и его верному компаньону доктору Ватсону удалось установить адресата, от которого профессор получал письма и загадочные снадобья.

«Холмс пробежал глазами надпись на бумажке и спрятал её в карман.

– Дорак – занятное имя! Славянское, как я понимаю. Что ж, это важное звено...»

(Может быть, это звено – Серж Воронофф?)

В конце концов тайна профессора Пресбери была открыта: старик принимал «...чудо-сыворотку, дарующую людям силу», содержащую гормоны обезьяны. Но она, наряду с явным омоложением, вела к озверению человека, если можно так выразиться. (В сущности, к подобному результату привёл и эксперимент профессора Преображенского в «Собачем сердце».)

В финале рассказа Шерлок Холмс обещает пресечь опасные опыты изобретателя «чудо-сыворотки». Но великий сыщик предвидит грядущие напасти: «...Найдутся другие, они будут действовать искуснее. Здесь кроется опасность для человечества, и очень грозная опасность. Вы только подумайте, Ватсон: стяжатель, сластолюбец, фат – каждый из них захочет продлить свой никчёмный век. И только человек одухотворённый устремится к высшей цели. Это будет противоестественный отбор! И какой же злойной клоакой станет тогда наш бедный мир!»

Справа: Сергей Воронов и его ассистент оперируют собаку. Обложка парижского журнала Le Petit Journal за 22 октября 1922 года.
Внизу: Доктор Сергей Воронов в зените славы.

Не об этом ли сокрушался и профессор Преображенский в финале «Собачьего сердца»:

«Вот, доктор, что получается, когда исследователь, вместо того чтобы идти ощупью и параллельно с природой, форсирует вопрос и приподнимает за весу: на, получай Шарикова и ешь его с кашей!»

Да, опасения Льюиса Стивенсона («Странная история доктора Джекила и мистера Хайда»), Герберта Уэллса («Остров доктора Моро»), Артура Конан Дойла и Михаила Булгакова начинают

Создатель незабвенного сыщика Шерлока Холмса писатель Артур Конан Дойл

сбываться. Сегодня человечество уже не может не подправлять самоё себя: стволовыми клетками, «кремлёвскими таблетками», анаболиками, пластической хирургией, геной инженерией. И кто знает, как это всё аукнется в будущем?

Неизвестно, читал ли Михаил Булгаков рассказ «Человек на четвереньках», но писатель определённо знал об экспериментах Броун-Секара, Воронова и многих других. Они и послужили первоосновой сюжета.

А дальше... Дальше Булгаков-фантаст и Булгаков-сатирик пошли разными путями. И если первый следовал уже установившейся литературной традиции (Стивенсон, Уэллс и, возможно, Конан Дойл) и собственным успешным произведениям («Дьяволиада» и «Роковые яйца»), то второй, сатирик, совершил смелый прорыв в запретные для литературы того времени области. Судьба повести была решена уже при первом прочтении рукописи в кругу литераторов – там присутствовал агент ОГПУ, написавший подробный отзыв-донос. Произведение заклеили как контрреволюционное и запретили.

После долгожданной публикации «Собачьего сердца» в Советском Союзе в 1987 году симпатии читателей и зрителей оказались всецело на стороне профессора Преображенского.

Возможно, через много лет утихнут политические страсти. История и литература перестанут быть полями идеологических битв. И мы прочтём наконец «Собачье сердце» полностью. В том числе финальный вывод Филиппа Филипповича Преображенского:

«Можно привить гипофиз Спинозы или ещё какого-нибудь такого лешего и соорудить из собаки чрезвычайно высокостоящего. Но на какого дьявола? – спрашивается. Объявите мне, пожалуйста, зачем нужно искусственно фабриковать Спиноз, когда любая баба может его родить когда угодно. Ведь родила же в Холмогорах мадам Ломоносова этого своего знаменитого. Доктор, человечество само заботится об этом и в эволюционном порядке каждый год упорно, выделяя из массы всякой мрази, создаёт десятками выдающихся гениев, украшающих земной шар...»

Фото из архива автора

L'Homme qui rend la Jeunesse

Cette photographie unique a été prise dans un laboratoire dépendant du Collège de France. Elle montre le docteur Voronof et son assistant expérimentant sur un chien âgé la méthode de rajeunissement qui fit la célébrité du savant praticien.

Полиция.

«Садиться без чинов!»

КНИГА АНДРЕЯ КОКОРЕВА И ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК ВЛАДИМИРА РУГИ «МОСКВА ПОВСЕДНЕВНАЯ», ОТРЫВКИ ИЗ КОТОРОЙ МЫ ПУБЛИКУЕМ НИЖЕ, ВЫШЛА В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «ОЛМА-ПРЕСС». ИСТОРИЯ ОЖИВАЕТ В ЗАРИСОВКАХ ГОРОДСКОЙ ЖИЗНИ НАЧАЛА ПРОШЛОГО ВЕКА. ИСТОРИЯ ШЕПЧЕТ: УЗНАЕТЕ СЕБЯ, НЫНЕШНИХ?

Полицейская деятельность государства, как известно, имеет своей задачей, с одной стороны, предупреждение и пресечение действий, нарушающих существующее благосостояние, а с другой – содействие к дальнейшему развитию народного блага.

«Исторический очерк образования и развития полицейских учреждений в России».

■ Андрей КОКОРЕВ, Владимир РУГА

Публикация 2004 года

Болван! Скотина! Дубина стоеросовая! Чтобы руки твои загребушие у тебя еще в детстве отсохли... Помощник пристава запнулся, безуспешно подыскивая ругательства пообиднее. Молодой широкоплечий городской, которого столь яростно распекал полицейский офицер, замер по стойке «смирно», боясь шелохнуться. По его лицу катились крупные капли пота, а губы беззвучно шевелились в тщетной попытке произнести слова оправдания:

– Виноват, ваше благородие! Лукавый попутал... Сам не ведаю, как это случилось. Кто же знал, что этот черт, хозяин квартиры, заметит, да еще шум поднимет...

«Господи, бывают же на свете такие дураки! – подумал помощник пристава, сжимая кулаки в бессильном отчаянии. – Украсть во время обыска копилку! И с чем?! С горсткой медяков – ровным счетом двадцать три копейки, будь они неладны... Хотел, видите ли, этой «свинкой» сынишку порадовать... А что тем самым он всей Мещанской части свинью подложил, даже не подумал. Ему-то ничего – пойдет под суд, и вся недолга, а нас теперь проверками замучают. Не успеешь оглянуться, всплывут грешки уже не копеечные, и окажешься на одной доске с генералом Рейнботом».

Уныние, охватившее полицейского офицера, легко можно понять. Как и всякая государственная структура, Московская городская полиция функционировала, опираясь на сложившуюся систему писаных и неписаных правил. Первые составляли тот самый Закон, которому полицейские служили, как говорится, «по определению». Вторые – давали им возможность строить взаимоотношения с жителями города на реальной основе. Суть этих отношений сводилась к тривиальной философии: «Мы денно и нощно охраняем ваш покой. За нашу тяжелую службу казна платит мало, а жизнь все дорожает. Так что извольте обложить вашу благодарность в денежные знаки разного достоинства – соответственно с вашими доходами». Но чтобы такая система существовала без сбоев, требовалось придерживаться простого правила: внешне все должно быть шито-крыто, потому что любой скандал приводит в действие законы писаные. И уж совсем плохо, если скандалы начинают следовать один за другим, причем каждый новый еще больше подливает масла в огонь.

Как ни странно, но кража грошовой копилки, совершенная в июле 1910 года городовым Кондратием Букиным, относилась именно к такого рода событиям. И начальство гневало неспроста – для него в тот момент каждый проступок полицейского был что нож острый в спину. А все потому, что многие неблагоприятные деяния сотрудников московской полиции стали достоянием гласности, и не прощелыга Хлестаков, а самый настоящий, облеченный всеми полномочиями ревизор – сенатор Гарин – предлагал им «садиться без чинов»... на скамью подсудимых. С этим предметом интерьера зала окружного суда либо уже познакомились, либо только собирались познакомиться многие служащие полиции – от околоточного надзирателя Абнякова до самого градоначальника – генерал-майора Рейнбота.

Но прежде чем углубиться в подробности этих событий, думаем, нелишне будет пояснить читателю, кто же были такие городовые, околоточные надзиратели, приставы вкупе с полицейскими и градоначальниками. А главное – какую роль играла полиция в жизни Москвы начала прошлого столетия...

Возглавлял московских блюстителей порядка обер-полицеймейстер (с 1 января 1905 года – градоначальник*), непосредственно подчинявшийся генерал-губернатору. Отделения находились под управлением полицмейстеров, которые контролировали деятельность подчиненных им участковых приставов. Приставы, опираясь на помощников (старших и младших), а также на служащих канцелярии, отвечали за «благочиние» на вверенных им участках. Околотки находились под началом околоточных надзирателей. На самой низшей ступени административно-полицейской лестницы находились городовые.

«Между прочим, – делился воспоминаниями писатель Н.Д. Телешов, – наименование этих полицейских «городовых» москвичи шутиливо относили к нечистой силе, считая, что в лесу есть леший, в воде – водяной, в доме – домовый, а в городе – городской»...

Городовые

Не всякий видный собой мужчина мог облачиться в форму и заступить на пост. В основном в городовые принимали уволенных в запас солдат и унтер-офицеров – физически крепких, умевших читать и писать по-русски. Последнее обстоятельство в то время имело большое значение, так как 60–70 процентов рядового состава ар-

мии были неграмотными. В 1913 году, готовя реформу полиции, МВД подтвердило это требование: городской, который не может написать протокол, – явление абсурдное – иначе как же он тогда сможет выполнять свои служебные обязанности? Среди претендентов предпочтение оказывалось женатым – они лучше относились к исполнению своих обязанностей.

Зачисленных на службу записывали в полицейский резерв, где из них готовили полноценных городских. Чтобы во всеоружии заступить на пост, кандидаты должны были к концу обучения ответить без запинки на любой из почти восьмидесяти вопросов, связанных с полицейским делом. Часть из них не вызвала трудностей у вчерашнего солдата: например, состав российского императорского дома или «что называется постом?» ему приходилось выуживать в армии на «уроках словесности». Достаточно просты были вопросы об «особах первых 4-х классов» – военных и штатских генералах (их следовало приветствовать, «встав во фронт») или что такое присутственные места.

Еще следовало твердо знать, «что каждому городовому необходимо, чтобы оправдать свое назначение» и что ему воспрещается на посту; что делать, услышав продолжительный свисток, и в каких случаях можно бесплатно взять извозчика. Порядок зажигания фонарей и езды по улицам, ремонта домов и вывоза нечистот, «забора нищих» и перевозки мяса, правила наблюдения за порядком на улице, за газетчиками и разносчиками, за питьевыми заведениями и публичными домами – это и еще многое другое городской был обязан держать в голове. Его учили, как действовать на пожаре и при наводнении, «если заметит человека, выходящего из какого-нибудь дома с узлом в ночное время», «если в квартире кто-либо повесится», «если на посту его появится бешеная собака и кому-нибудь причинит покусывания».

В 1900 году инструкция городовым насчитывала 96 параграфов. Она начиналась с того, что обязывала городского «вести себя всегда прилично своему званию» и строго запрещала ему «входить в форме без служебной надобности в питьевые и трактирные заведения», а также «принимать от обывателей какие бы то ни было подарки деньгами или вещами». Завершался руководящий документ предписанием «не допускать постилки соломой у домов, где есть больные, без разрешения и наблюдать за смачиванием ее».

Молодого городского не допускали к несению службы, если он плохо владел приемами японской системы самозащиты джиу-джитсу. На экзамене ему приходилось скручивать «преступников», наносивших удары кулаком, нападавших с палкой, ножом, револьвером, а также демонстрировать умение в одиночку поднимать пьяного с земли. Хороший уровень подготовки московских полицейских к рукопашному бою засвидетельствовали, в частности, их коллеги из Японии, как-то навестившие первопрестольную. Городовые оказались

* Довольно часто современные журналисты ради красного словца называют мэра Москвы «градоначальником». Забывая (или не зная), что это слово имеет точное историческое значение, работники СМИ, по сути, низводят «генерал-губернатора» до уровня начальника полиции.

настолько неучтивы, что ни одному из гостей не дали возможности торжествовать победу...

В начале XX века за службу в резерве рядовому полицейскому полагалось жалования 150 рублей в год, а жилье предоставлялось «натурой» – в казарме.

Городовой, которого «в связи с открывшейся вакансией» переводили в состав полицейской стражи (их на Москву приходилось 1400 человек), получал уже 240 рублей. После семи лет безупречной службы его жалование повышалось на 30 % от годового оклада, а еще через пять – на 50. Жильем ему служила «общая казенная квартира» – та же казарма – в пределах участка, где он служил. Со временем наем подходящих помещений для устройства казарм превратился в неразрешимую задачу, поэтому городовым стали выдавать «квартирные» деньги. Обычно их хватало на оплату квартиры только на окраинах города, что порождало новую проблему: рядовые полицейские, вопреки требованиям начальства, вынуждены были селиться вдали от места службы...

Служба у городовых была далеко не сахар. На посту им приходилось стоять в три смены по шесть часов. Если требовалось отлучиться, постовой должен был вызвать двух дворников: одного оставить вместо себя, а другого послать в участок с объяснением причины оставления поста. Да и обязанностей, как уже упоминалось, у городового было великое множество. А заступив на пост, он, ко всему прочему, был обязан твердо знать или, по крайней мере, иметь под рукой занесенные «в памятную книгу»:

«1) Находящиеся под надзором его поста улицы, площади, мосты, сады, церкви, казенные, общественные и частные здания и фамилии домовладельцев.

2) Местонахождение ближайших пожарных кранов и сигналов, почтовых ящиков и кружек для пожертвований.

3) Ближайшие от своего поста: больницу, аптеку, родильный приют и телефон, которым в случае надобностей могли бы воспользоваться чины полиции.

4) Адреса живущих поблизости от его поста врачей и повивальных бабок.

5) Местонахождение камер Прокурора Окр[ужного] Суда, Участкового Мирowego Судьи и Судебного Следователя.

6) Местожительство проживающих вблизи его поста выкопоставленных лиц»...

Городовые, желавшие продвижения по службе и отвечавшие требованиям начальства – «служившие в военной или гражданской службе, не моложе 21 и не старше 40 лет; хорошо грамотные, развитые и видной наружности», – могли стать околоточными надзирателями. По мере открытия вакансий их зачисляли в резерв так называемыми «сверхштатными», с жалованьем 20 рублей в месяц, но «на всем своем содержании». После обучения в специальной полицейской школе и сдачи экзамена происходил перевод в штат либо того же полицейского резерва, либо в участки. В последнем случае под началом этого полицейского чина оказывался околоток (определенное количество домовладений) и несколько городовых.

Околоточные

Околоточный надзиратель, хотя и относился к младшим полицейским служителям, но был уже фигурой – пусть невеликий, а все-таки начальник. Жалованья ему полагалось в два с лишним раза больше, чем городовому**. А главное – околоточный надзиратель, пока служил в

**Энергичный, но нечистый на руку градоначальник
Анатолий Анатольевич Рейнбот был уволен и предстал
перед судом**

полиции, получал права чиновника XIV класса, даже если не имел классного чина. В Российской империи, где «каждый сверчок должен знать свой шесток», это означало значительное повышение личного статуса, приобщение к корпорации всемогущего русского чиновничества. Форма ему полагалась, «как у классных чинов», а к ней – «шашка драгунского образца с черным кавалерийским темляком на черной юфтовой португее».

Уникальный характер должности околоточного надзирателя состоял в том, что он был главным и единственным передаточным звеном между государственной машиной и москвичами. «В случаях, когда полиции для исполнения возложенных на нее законами обязанностей, – гласила инструкция, – необходимо входить в непосредственные личные сношения с обывателями по месту их жительства, сношения эти делаются через околоточных надзирателей». В переводе с бюрократического языка это означало, что любая казенная бумага (например, судебная повестка), направленная в адрес жителя Москвы, вручалась лично околоточным надзирателем.

Но главная его обязанность заключалась в строгом надзоре за тем, чтобы жители околотка без малейших отступлений соблюдали правила и постановления «относительно общественного благоустройства и благочиния». Стоит заметить, что «Инструкция околоточным

надзирателям Московской столичной полиции» представляла собой книгу в триста с лишком страниц, на которых убогим шрифтом были изложены все предписания московских властей. Одни только обязанности околоточного «по наблюдению за наружным порядком» насчитывали 15 пунктов, да еще девять «по надзору за народонаселением». И все они предписывали «досконально знать» о происходящем в околотке – от затеваемого в домах ремонта (только с разрешения властей) до появления незарегистрированных жильцов или женщин, тайно занимающихся сводничеством.

Некоторое представление о том, как это выглядело в реальности, дает рассказ самого околоточного надзирателя:

«Работы по горло. Работаешь и днем, и ночью, и утром, и вечером. И за тем наблюдай, и за этим. Домовладелец снега со двора не вывозит – околоточный виноват. У другого выгребные ямы не в порядке – опять же с нас взыскивают.

Там чей-то сенбернар ни с того ни с сего вскочил в сани и укусил барышню – снова околоточному работа. Производи, стало быть, дознание: чья собака, и не бешеная ли, и первый ли это случай нападения на прохожих? Здесь – понукай дворников, чтобы в гололедицу панели посыпали, да не солью, от которой, говорят, портятся каблуки, а песком.

Видите ли, с утра маковой росинки во рту не было – некогда. Обойдешь свой околоток, спешишь на работу в участок. Из участка бы следовало домой забежать – никак невозможно. Разноси квартирантам вот эти повестки – сами видите, сколько их тут у меня: целый портфель.

– Да когда же вы успеете разнести все эти повестки?

– Сам не знаю. Придется до позднего вечера разносить...

– А потом на покой?

– Нет. Сегодня у меня ночное дежурство...»

Вызывать к себе на квартиру или в участковое правление нужных по делу лиц околоточному не разрешалось – приходилось самому бегать по разным адресам и оформлять бумаги на месте. Лишь в 1907 году градоначальник разрешил полицейским для служебных нужд пользоваться велосипедами («соблюдая при этом все установленные правила»). Вообще же околоточный был прикован инструкцией к своей территории, как каторжник цепью к веслу галеры: покидать ее он мог только с разрешения пристава. Каждый раз, выходя из квартиры, околоточный был обязан сообщать ближайшему городовому, куда направляется, чтобы в случае необходимости его удалось бы легко отыскать.

Верность служебному долгу требовала от околоточного надзирателя даже известного рода аскетизма. Один из параграфов инструкции указывал, что представители этой категории полицейских «при посещении публичных гуляний и садов не должны занимать мест за столиками среди публики, а равно проводить там время со своими знакомыми в качестве частных посетителей; им воспрещается посещать трактиры, рестораны и тому подобные заведения с целью препровождения времени, а разрешается заходить в них только лишь для исполнения обязанностей службы». Жениться околоточные надзиратели, так же как и городовые, могли только с разрешения градоначальника.

Честно говоря, для нас так и осталось загадкой, кто из полицейских мог изо дня в день выполнять все требования упомянутой выше «Инструкции околоточным надзирателям». Либо он должен был быть неким «чудо-богатырем», не знающим ни сна, ни отдыха, либо... постоянно иметь упущения по службе, которые ему всеми доступными способами приходилось скрывать от начальства...

** По штату, утвержденному в 1891 году, – 550 рублей, с 1906 г. – в зависимости от присвоенного разряда – 600, 660, 720 рублей. Наем квартиры за счет города.

▶ Приставы

Околоточные надзиратели подчинялись приставу. Ему они докладывали о результатах обходов, а также немедленно сообщали (в любое время дня и ночи – «можно по телефону») о случившихся происшествиях и замечаниях со стороны высшего начальства. Пристав отвечал за всю организацию полицейской службы на участке: расстановку постов, графики дежурств, проведение занятий с городскими, первичный розыск по совершенным преступлениям, арест преступников, допрос их по горячим следам. В его обязанности входили надзор за поведением публики в общественных местах и «пресечение праздных разговоров о высоких особах».

На должность пристава мог быть назначен офицер, прослуживший в армии не менее трех лет, имевший образование не ниже четырех классов среднего учебного заведения (городского училища) или сдавший соответствующий экзамен. Согласно Табели о рангах, участковый пристав московской полиции относился к VII классу, что делало его равным армейскому подполковнику. В начале XX века жалованья ему полагалось 1400 рублей в год плюс 700 рублей «столовых». «Квартирной табелью» приставу отводилась квартира из шести комнат «общего квадратного содержания в 30 сажень при норме высоты 5 арш.»***

Однако, ежемесячно получая 175 рублей, пристав не мог отнести себя к «достаточному классу». Содержание семьи, сама жизнь в Москве с ее соблазнами, вращение в обществе требовали гораздо больших расходов. «Обращая внимание на состав и быт приставов и их помощников, – описывал генерал Рейнбот положение московских полицейских сенатору Гарину, – пришлось прийти к заключению, что за редким исключением большим подспорьем им служат подарки от обывателей».

Градоначальник разделял такие подношения «на сделки с совестью и сделки с самолюбием». Первые имели явные признаки «лихоимства», поскольку налицо была причинно-следственная связь между получением мзды и действиями должностного лица. Во втором случае такой связи не было. С чисто юридической точки зрения «праздничные деньги», поднесенные офицеру полиции, взяткой не являлись, а считались начальством «глубоко укоренившимся в Москве злом», с которым волей-неволей приходилось мириться.

Интересно, что свежий взгляд на деятельность московских приставов приводил начальство к неожиданным выводам. Так, принимая дела, генерал Рейнбот получил от помощника градоначальника Будберга сведения о полицейских офицерах, возглавлявших участки, а спустя некоторое время внес в них свои коррективы:

«Из этой характеристики приведу несколько аттестаций: по мнению барона Будберга 1) пристав Арефев – «опытен, обывателями любим, но не всегда достаточно распорядителен и энергичен», оценен 10 баллами. На самом же деле оказалось, что в нем выражены были особенно сильно «сделки с совестью», а любовь обывателей вероятно приобрел тем, что «брал» и шелком, и часами Омега, и мужскими статскими галстуками, и фруктами и чем угодно, что и было по жалобам небогатых обывателей удостоверено дознанием моего секретаря Яковлева; 2) пристав Воронец – «опытен, довольно распорядителен, добрый начальник», 9 баллов. Оказалось, что он продавал конфискованные револьверы, широко допуская «сделки с совестью», о чем даже меня уведомил Департамент полиции; 3) пристав Ползиков – «достаточно опытен и распорядителен». Оказалось, опытность выразилась в растрате жалованья ночных сторожей, а распорядительность – во многих указаниях на его «сделки с совестью»; 4) пристав Львович – «довольно опытен, распорядителен». Оказалось, что в его участке появились без всякого разрешения разные торговые заведения, которые не могли быть вовсе разрешены градоначальником.

Все эти «опытные» в глазах барона Будберга служащие были мною признаны негодными для службы в московской полиции и уволены».

А вот примером наказания за «сделки с самолюбием» послужило дело пристава 2-го участка Хамовнической части П.Ф. Бояновского, угодившего под суд в 1910 году. Его вина состояла в том, что на Пасху и Рождество принимал подношения от владельцев ресторанов, трактиров и торговых заведений – в общей сложности 600 рублей.

– Сам никогда не просил, – в один голос утверждали свидетели. – Давали по традиции, как наши отцы давали и как после нас будут давать... Но лучшего человека не знали: он все равно, когда нужно было, и протокол составлял, и привлекал к ответственности.

Убеленный сединами подполковник плакал, переживая позор. За 34 года службы в полиции его всегда назначали в те места, где требовалось навести порядок. Во время вооруженного восстания ему удалось отстоять свой участок от осадивших его революционеров.

– Считался образцовым приставом, строгим исполнителем закона, – говорил на суде полицеймейстер Северд, – и имел на этой почве массу врагов как среди сослуживцев, так и обывателей.

Сам Бояновский пояснил, что расходовал полученные деньги на оплату сверхурочного труда подчиненных,

Зинаида Григорьевна Морозова, ставшая женой Рейнбота, который по милости императора избежал тюрьмы

поскольку ассигнованных казной средств не хватало. Приставу постоянно приходилось тратить на служебные нужды из своего «не Бог весть как великого жалования».

Суд учел служебное рвение подполковника, но, вынужденный придерживаться буквы закона, оправдать его не смог. Приговор был мягким: «взыскание в размере 10 рублей с заменой арестом на гауптвахте на 1 день», но и это означало для честного служаки полный крах – увольнение из полиции без права на пенсию. Сенат апелляцию бывшего пристава отклонил...

Дело Рейнбота

В череде градоначальников особое место занимает генерал-майор Рейнбот. Он принял под командование московскую полицию в самое тяжелое время – в январе 1906 года. В городе, только что пережившем ужасы вооруженного восстания, продолжалось революционное брожение. Полицейские в глазах обывателей уже не выглядели символами торжества правопорядка. Со всех сторон градоначальнику поступали донесения, что во множестве случаев городские стоят на постах пьяные. Да он сам наблюдал, как на Кузнецком мосту менялись постовые: вновь заступающий пришел в штатском, отдал товарищу пальто, а сам, облачившись в его шинель и взяв винтовку, приступил к несению службы.

Характерной приметой того времени стало полное пренебрежение извозчиков и ломовиков к требованиям городских соблюдать правила движения. Каждое замечание постового вызывало поток ругательств в адрес полиции, а один извозчик как-то ночной порой просто схватил кусок железа и обрушил его на головы городского и ночных сторожей...

Энергичными мерами Рейнботу удалось за короткое время поднять боеспособность полиции. Уже к сентябрю всех городских вооружили трехлинейными винтовками (правда, следуя российской бюрократической традиции, при этом не позаботились выдать погонные ремни). Когда градоначальник увидел, как городские носят винтовки на веревочках, револьверных шнурах, а то и просто на плече, он тут же закупил нужное количество ремней, хотя при этом ему пришлось пойти на подлог. Точно так же он оплатил закупку 750 револьверов на Тульском заводе, оформив израсходованные деньги как выданные приставам награды.

Конечно, не от хорошей жизни градоначальник был вынужден манипулировать казенными деньгами. Рейнботу не раз приходилось убеждать, что если надеяться на помощь петербургских чиновников, любое дело будет похоронено в процессе безрезультатной переписки с министерством. Лишним подтверждением тому послужила история с велосипедами.

С установлением теплой погоды революционеры стали устраивать митинги в бывших пригородных местностях, которые с мая 1906 года были включены в черту Москвы. Все попытки полиции арестовать зачинщиков нелегальных сборищ и выступавших на них агитаторов заканчивались неудачей, поскольку об опасности участников схода предупреждали дозорные-велосипедисты. опередить их не могли не только пешие городские, но и конные жандармы. Тогда генерал Рейнбот купил на собственные средства десять велосипедов, посадил на них переодетых в штатское городских, а те уже не ударили лицом в грязь. Митинги сразу пошли на убыль.

Когда же градоначальник, сославшись на успешные результаты первых опытов, попросил ассигнований еще на десять велосипедов, из Петербурга пришел отказ (денег в казне нет!), а уже понесенные затраты посоветовали возместить из средств, предназначенных на канцелярские или хозяйственные расходы. В условиях царской России, где каждая статья расходов имела «Вы-

сочайшее» утверждение, такую рекомендацию можно было счесть за насмешку, поскольку спустя некоторое время те же чиновники МВД могли обвинить генерала в незаконном манипулировании бюджетом полиции.

Впрочем, Рейнбот и так смог убедиться, что от судьбы не уйдешь. В 1907 году деятельность московского градоначальника была подвергнута сенатской проверке****. И хотя он успел снискать в Москве большую популярность, добившись несомненных успехов в поддержании правопорядка, генерал был отстранен от должности, а позднее отдан под суд.

Кроме вольного обращения с казенными деньгами (пусть даже в интересах дела), бывшего градоначальника обвиняли в получении взяток, в превышении власти, в использовании служебного положения для преследования не угодных ему лиц и множестве других преступлений. По версии следствия, в Москве была создана целая система вымогательства, которую возглавлял сам генерал Рейнбот. Например, он громкогласно объявил о ликвидации в городе «домов свиданий», но тут же прекратил преследования, когда содержатели этих заведений внесли в благотворительный фонд полиции десять тысяч рублей. То же самое происходило с организаторами клубов, где велись запрещенные законом азартные игры, – стоило дать деньги «на благотворительность», как полиция переставала их беспокоить.

В ответ Рейнбот опубликовал целую книгу, в которой досконально разобрал и опроверг (с помощью лучших адвокатов) каждый пункт обвинения. Единственное, что ему не удалось объяснить, – каким же образом среди москвичей возникло стойкое убеждение, что «полиция времен Рейнбота» за приличную взятку закроет глаза чуть ли не на любое нарушение закона. Обошел он молчанием и причину увольнения чиновника по особым поручениям Стефанова, состоявшего при начальнике сыскальной полиции Моисеенко.

Сыскное отделение было создано для организации розыска по общеуголовным преступлениям и напрямую подчинялось градоначальнику. В 1906 году Стефанов вел расследование серии дерзких краж на железных дорогах (в основном на Казанской). Преступники забирались в товарные составы, на перегонах выбрасывали из вагонов тюки с товарами, а затем вешали поддельные пломбы. Пропажа, как правило, обнаруживалась далеко от Москвы, только в пункте назначения, а тем временем воры успевали отвезти краденое скупщикам, владельцам магазинов на Ильинке.

Транспортные конторы вынуждены были по страховке возмещать владельцам стоимость пропавшего товара. Только одна из них в год понесла из-за краж убытки на два миллиона рублей. Позже выяснилось, что и железнодорожное начальство не сидело сложа руки. Оно принаровилось прямо на станции изымать часть груза, передавать его ворами, а потерпевшим выплачивать страховку из казенных денег.

Стефанов вышел на след преступников, можно сказать, случайно. Он допрашивал скупщика краденного Зыбина, попавшегося по совершенно другому делу, но на всякий случай спросил о товарах с железной дороги. Подследственный удивился и, кивнув на присутствовавшего в кабинете чиновника полиции Сологуба, сказал:

– Да ведь сыскальная полиция обо всем знает. Вот Сологуб вам лучше расскажет.

Но тот не стал делиться информацией, а быстро вышел из кабинета, чтобы обо всем доложить Моисеенко. Начальник сыскальной полиции телефонирует Рейнботу, и очень скоро Стефанову пришлось выслушать суровый разнос от градоначальника:

– Что вы делаете? Зачем раскрываете железнодорожные кражи? Если будете яхтаться с судебной властью (непечатная брань), я вас арестую и вышлю по этапу из Москвы!

Арест, правда, не состоялся, но из полиции Стефанов был спешно уволен. Позже он узнал, что купцы, торговавшие «железнодорожными» товарами, за его увольнение вручили начальству 30 тысяч рублей...

В конечном итоге оказалось, что генерал Рейнбот не зря пытался во что бы то ни стало остановить расследование краж на Казанской дороге. Масштабы воровства, а главное, участие в нем чинов московской полиции заставили Петербург произвести строгую ревизию деятельности градоначальника. По ее результатам Рейнбот и его бывший помощник, полковник Короткий, предстали перед судом, вынесшим достаточно суровый приговор: «Лишив всех особых прав и преимуществ, заключить в исправительное арестантское отделение на 1 год, но предварительно представить на всемиловейшее Государя императора воззрение на предмет смягчения приговора заменой исключением из службы». Царь помиловал обоих.

Потеряв должность, Рейнбот пережил моральный урон; в плане же материальном в тот момент дела его обстояли более чем превосходно. Он развелся с первой женой и вторично женился на З.Г. Морозовой, вдове известного фабриканта Саввы Тимофеевича Морозова, капиталы которой позволили ему заняться железнодорожными концессиями. Супругам Рейнбот, кстати, принадлежало имение Горки, ныне именуемое с добавлением «Ленинские»...

*** 136,5 кв. м с высотой потолков примерно 3,5 м. Такую же квартиру отводили начальнику сыскальной полиции. А вот полицеймейстеру город должен был обеспечить 8-комнатной квартирой площадью 182 кв. м, конюшней на 6 стойл и сараем.

**** По отзыву В.Ф. Джунковского: «Ревизия была произведена сенатором Гариним более чем пристрастно, со всеми недостойными приемами мелкого сыщика, и все найденные злоупотребления были значительно преувеличены».

ПОТОП МОСКОВСКИЙ

СЕКРЕТНАЯ ОПЕРАЦИЯ, БЛАГОДАРЯ КОТОРОЙ ОСЕНЬЮ 1941 ГОДА УДАЛОСЬ ОСТАНОВИТЬ НАСТУПЛЕНИЕ ГРУППЫ АРМИЙ «ЦЕНТР» НА СЕВЕРЕ ПОДМОСКОВЬЯ. ЗА ЕЕ УСПЕШНОЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ СВОИМИ ЖИЗНЯМИ РАСПЛАТИЛИСЬ НЕ СОЛДАТЫ И ОФИЦЕРЫ, А ПОЧТИ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО МИРНЫЕ ЖИТЕЛИ

■ **Искандер КУЗЕЕВ**

Публикация 2008 года

К концу ноября 1941 года немцы практически окружили Москву. На западе были взяты Можайск, Нарофоминск, Малоярославец. С юга наступала 2-я танковая армия Гудериана. 53-й армейский корпус двигался к Серпухову, окружая с севера Тулу, на подступах к которой стояла дивизия Штеммермана. 17-я бронетанковая дивизия 24-го корпуса выдвигалась к Кашире, а войска 47-го корпуса вели бои на подступах к Рязани.

Уже под парами стоял литерный состав, готовый отвезти Сталина на безопасное расстояние от фронта в Куйбышев. Гудериан получает приказ двигаться в направлении Горького, замыкая кольцо окружения вокруг Москвы с юга в районе Петушков. Однако когда он подошел к Коломне, наступление захлебнулось.

И что странно: еще не подошли к Москве сибирские дивизии, а Сталин уже перебрасывает войска с севера Подмоковья на юг. Хотя только что командующий Западным фронтом Георгий Жуков просил Верховного о подкреплении на севере, на линии Крюково-Рогачёво.

При этом на севере Подмоковья, несмотря на оголенный фронт, никакого движения не происходит. Группой армий «Центр» под командованием фельдмаршала фон Бока давно взят Калинин, стоит сорокаградусный мороз, свободен ледяной покров Московского моря (Иваньковское водохранилище), никаких войск на противоположной стороне Волги у Калининского фронта практически нет.

Войска фон Бока стоят на линии Клинин-Рогачёво-Дмитров и дальше не двигаются. Стоят как заколдованные, несмотря на то, что боестолкновения происходят только в двух точках: у деревни Крюково (Зеленоград) и около Яхромы, где танковым армиям противостоит лишь отдельный бронепоезд №73 войск НКВД и бойцы 20-й армии генерала Власова.

На Волоколамском направлении немцами преодолён рубеж Дубосеково, но танковые дивизии 46-го корпуса тоже не

идут к Москве по Волоколамскому шоссе! Тяжелая артиллерия 2-й бронетанковой дивизии 4-й армии вермахта стоит в Красной Горке (22 км от Кремля). Артиллеристы рассматривают в бинокль центр столицы, но дальше тоже не двигаются, хотя никакого фронта уже нет. Местные жители спокойно идут в сторону Москвы, садятся в автобус у лианозовских барачников Кропивницкого (станцию метро «Алтуфьево» еще не построили) и едут в центр – сообщать о тяжелых орудиях противника, направленных на Кремль.

Сталин, кстати, к концу ноября уже не думает о переезде в Куйбышев, за Волгу.

Стена

Есть во всей этой ситуации что-то мистическое. Словно Сталин выстроил какую-то непродолимую стену на северо-западе Подмоковья. Но «стена» эта была настолько секретной, что до сих пор в официальной советской историографии о ней нет ни слова. Возникла она чуть ли не мгновенно. Потому что случайные появления солдат противника на территории Москвы все же происходили.

Наше здание находится на самой высокой точке холма у 8-го шлюза канала, откуда видно далеко вокруг, – рассказывает ветеран управления канала «Москва-Волга» (сейчас – ФГУП «Канал имени Москвы») Валентин Барковский. – Помню, сотрудники, работавшие еще с войны и дежурившие тогда на крыше, рассказывали, как немецкий танк остановился на Сходненской улице, на Западном мосту через Дериивационный канал (между нынешними станциями метро «Тушинская» и «Сходненская». – И.К.). Открылся люк, из которого выглянул офицер вермахта с полевым блокнотом, огляделся вокруг, что-то записал в блокноте и уехал в сторону Алёшинского леса.

Другое появление немцев в Москве – 30 мотоциклистов в километре от станции метро «Сокол». Мотоциклисты ехали по Ленинградскому шоссе. Два пулеметчика на мосту, названном позже мостом Победы, приняли неравный бой и оставили нападавших.

Осенью 1941 года немцы были на подступах к Москве. Через несколько недель они были либо отброшены от столицы, либо убиты, либо взяты в плен (внизу)

– Ехали мотоциклисты со стороны Химок, – вспоминает тот эпизод Валентин Барковский. – Предыдущий мост (через канал) они миновали благополучно (погода была нелетная, и замерзшие солдаты гоняли мяч на берегу канала).

Но как тот единственный взвод попал туда, если фронт держался у деревни Крюково? Случайно прорвались сквозь какую-то «стену», возникшую на пути 5-го бронетанкового корпуса СС, подходившего к Москве по Волоколамскому шоссе после боев у разъезда Дубосеково?

Стена действительно возникла моментально. То была стена из... воды. Потoki воды из Истринского водохранилища, смывшие не только наступавшие танки и пехоту 52-й армии, но и многочисленные деревни вдоль реки Истры, густонаселенные кварталы на окраине города Истра, в поселке Павловская Слобода. На бревнышки разлетались хрупкие крестьянские избышки, унося с потоком стариков, женщин и младенцев. Разлетались в щепки рабочие бараки в Павловской слободе. Чудом уцелевшие домики оказались затопленными водой с густой ледяной крошкой и осколками больших льдин.

Ужасная картина не вошла в опубликованные мемуары советских военачальников. Подробности остались лишь в единственном секретном издании «Разгром немецких войск под Москвой» под общей редакцией маршала Шапошникова, подготовленного Генштабом Красной Армии и выпущенный Воениздатом НКО СССР в 1943 году. В послевоенные годы гриф «секретно» был снят и заменен на другой – «для служебного пользования». Секретное издание пролежало в спецхране до 2006 года.

Вот скупые описания возведения «стен». Пишет маршал Шапошников: «24 ноября немцы вплотную подошли к рубежу Истринское водохранилище, река Истра. С приближением немцев к этому рубежу водоспуски водохранилища были взорваны (по окончании переправы наших войск), в результате чего образовался водяной поток высотой до 2,5 м на протяжении до 50 км к югу от водохранилища. Попытки немцев закрыть водоспуски успехом не увенчались».

Вероятно, танки на Сходненской и взвод на Ленинградке – как раз те, кто успел проскочить до взрыва плотины.

Маршал Шапошников посчитал на счет высоты водного потока. Уровень Истринского водохранилища – 168 м над уровнем моря. Течение реки Истры за плотиной находится на урезе в 143 метра, в Павловской Слободе – 134 метра. Напор огромного объема воды шел, как пишет Шапошников, на 50 километров, то есть до Москвы-реки (уровень которой при впадении Истры, чуть выше Рублевской плотины, составляет 124 метра). Таким образом, высота потока, смывавшего все на своем пути, составляла не менее 25 метров (заряд был заложен в основание водоспусков, затронув и так называемый мертвый объем, который остается в водохранилище при плановых весенних сбросах паводковых вод). Если учитывать падение потока до Москвы-реки, суммарный напор достигает сорока метров.

Но взрыв плотины имени Куйбышева (так называется плотина Истринского гидроузла) все же не объясняет стояние немцев к северу от Москвы, когда все резервы Ставки были брошены на

юг, против армии Гудериана. Скучные сведения о событиях, последовавших за взрывом 24 ноября на Истре, упоминавшие в той же книге под редакцией маршала Шапошникова, исследования немногочисленных энтузиастов (Валентин Барковский, Михаил Архипов), свидетельства оставшихся в живых очевидцев позволяют составить из мозаичных осколков более или менее стройную картину происшедшего.

Выглядит она примерно так.

Затопить вместе с населением

– Товарищ Сталин, фон Бок наступает по всему фронту. Взял Калинин, Клин. Танки – в Рогачёве, мы оставили Яхрому! – докладывает Верховному командующий Западным фронтом Георгий Жуков. – Сибирские дивизии подойдут к Загорску (Сергиев Посад. – И.К.) только через неделю. Еще столько же времени уйдет на их развертывание по фронту. На Западном фронте срочно нужны пополнения.

– Успокойся, товарищ Жуков! – ласково говорит Верховный главнокомандующий. – Вот тебе в подкрепление два бойца! Знакомьтесь: товарищ Фёдоров, товарищ Фрадкин. Ладно, вот тебе, товарищ Жуков, еще один боец – товарищ Жданов. Почти что наш ленинградский полководец. Только на этот раз Владимир Сергеевич.

Жуков стоял, ничего не понимая и не зная, как реагировать на шутку Верховного. Но Сталин не шутил. Он вызвал к себе начальника Ивановской ГЭС Георгия Фёдорова, главного энергетика канала «Москва-Волга» Бориса Фрадкина и главного инженера Владимира Жданова.

– Если быстро сбросить воду Ивановского водохранилища, лед будет проламываться и ледяная поверхность будет непроходимой не только для танков, но и для пехоты противника! – начал докладывать Фёдоров. – Вода уйдет быстро. Напор – 12 метров. У Калинин – 124 метра, ниже плотины – 112.

– Сбрасывая воду с подмосковных водохранилищ – Икшинского, Пестовского, Пяловского, Пироговского, Клязьминского, Химкинского, мы таким же образом взломаем ледяной покров по всему зеркалу воды и обеспечим непроходимую для противника полосу от Дмитрова до северной границы Москвы, – поддержал коллегу Жданов.

– Куда будете сбрасывать воду? В Москву? – со зловещим прищуром оборвал его Верховный.

– У нас есть Яхромский водосброс. На реке Волгуше, это приток Яхромы, – подходя к карте, объясняет Жданов. – Если открыть тут заслонки, вода пойдет в пойму Яхромы. Напор еще больше, чем на Волге. Уровень водохранилищ – 162 метра, а в долине Яхромы – 117. Но здесь, правда, стоят еще две плотины: Яхромского гидроузла, Икшинского...

– Плотины работают на подъем волжской воды. К сожалению, связь с нижним бьефом – только через насосы водоподъема, – вступает в разговор Борис Фрадкин. – Но если мы откроем заслонки, насосы будут работать в генераторном режиме, пропуская воду в обратном направлении. Вода пойдет вниз из водохранилища, возвращая в энергосистему электроэнергию, затраченную на их подъем. Если открыть сразу обе створки четырех шлюзов, поток усилится.

– Так вода уйдет в Яхрому? Значит, река разольется и будет берьером для танков фон Бока? – улыбаясь в усы, Сталин подходит к карте. – А вот у Ивановской плотины канал пересекает еще одна река – Сестра, так? Можем мы воду из Ивановского водохранилища направить туда? Чтобы немцы не прошли дальше Рогачёва?

– Река Сестра проходит в трубе под каналом и впадает в Волгу ниже Ивановской плотины, – вновь вступают в разговор Фрадкин и Жданов. – В канале есть донные отверстия, предусмотренные для осушения канала между заградворотами, в ремонтных целях. Если запереть трубу и открыть донные отверстия, вода поднимется, дойдет до Рогачёва и затопит все пространство от Ивановского водохранилища до Яхромы. Но затворы есть только в западной части трубы.

Иосиф Сталин со своими соратниками на строительстве Канала имени Москвы, фото 1937 года

Канал им. Москвы
железная дорога
автомобильная дорога
зона затопления (по результатам исследований Михаила Архипова)
Яхромский водосброс
1 Перемиловские высоты – единственная точка боестолкновений на линии канала
2 Николо-Пешношский монастырь
3 водосброс через тоннель р. Сестры
4

– Сколько времени потребуется, чтобы поставить новые затворы? – спрашивает Сталин.

– Если напрячь все имеющиеся силы и нам будет оказана помощь со стороны инженерного управления фронта, за неделю, думаю, управимся, – предполагает Жданов.

– Через два дня все должно быть готово! – говорит Сталин. – Предупреждаю: вся операция должна проводиться в обстановке строгой секретности. О ней должны знать только те, кого она касается напрямую. Непосредственные исполнители не должны быть информированы о целях операции.

– Но, товарищ Сталин, – перебивает Верховного командующий Западным фронтом. – Мы же должны эвакуировать население из зоны затопления!

– Чтобы информация просочилась к немцам? И чтобы они послали к тебе свою разведроту? Это война, товарищ Жуков! Мы сражаемся за победу любой ценой! Я уже отдал приказ взорвать Истринскую плотину. Даже свою дачу в Зубатове не пожалел. Ее тоже могло волной накрыть.

Спасенные и спаситель

Операция действительно проходила в обстановке строгой секретности. Вот что рассказывает потомственный житель поселка Фабрики 1-го Мая под Дмитровым Алексей Корнилов.

– Наш поселок построен для работников местного торфопредприятия. Хилые щитовые дома, жители которых в момент наступления немцев спрятались в единственном кирпичном сооружении – в подвалах картофелехранилища.

Алексей Корнилов ведет рассказ, который в детстве ему передала бабушка Пелагея Ивановна.

Приоткрыв дверь картофелехранилища, щуплый голубоглазый мальчишка в немецкой форме и с фонариком в руке с удивлением оглядел женщин с детьми, спрятавшихся в подвале чудом уцелевшей «высотки», по которой до этого нещадно била немецкая артиллерия.

– Хоше! Хоше! Фойер! – размахивая руками в сторону высокой трубы картофелехранилища и нещадно жестикулируя, объяснял мальчишка перепуганным бабам их опасное положение. Мол, высокое сооружение, опасно, по нему стреляют. И продолжал: – Ватер! Ватер! Капут!

Выглянувшие из картофелехранилища женщины не поверили своим глазам. В разгар сорокаградусной зимы на протоках торфоразработок в пойме Яхромы разыгралось половодье. Бурные потоки с разломанными льдинами затопляли все вокруг.

– По всем протокам вода поднималась все выше, – вспоминала бабушка Алексей Корнилова. – Еще мгновение, ледяная вода пошла бы в подвал картофелехранилища.

Женщины с нехитрой поклажей, с детьми на руках выбирались из подвалов картофелехранилища, поднимаясь на насыпь дороги, что вела в сторону Дмитрова. О том, чтобы вернуться в свои дома, которые постепенно скрывались под водой, не могло быть и речи. В это время начался обстрел со стороны канала. Кто-

то из женщин соорудил белый флаг из куска простыни (чтобы свои не подстрелили). Немцы торопились уйти на линию своих укреплений на противоположном берегу разливающейся Яхромы.

– Идти было тяжело. Бабушка шла с двумя детьми, третий – еще ребенок (моя мама) – на руках, – продолжает свой рассказ Алексей Корнилов. – Бабушка остановилась и решила разгрузить свою поклажу. Вспомнила летние башмачки у того мальчишки, который спас им жизнь, подбежала и отдала ему пару валенок.

– Данке, муттер! – прокричал уходящий из-под обстрела молодой белобрысый солдат.

Жители многих сел и поселков в долине Яхромы и Сестры вспоминать подобные истории уже не могут. Потому что вспоминать некому. Многие деревни были затоплены полностью. Особенно те, которые расположены в пойме Яхромы – между многочисленными протоками мелких каналов местных торфопредприятий. Некоторым, правда, повезло. Жителей Лугового поселка спасли стены и башни старинного Николо-Пешношского монастыря (там сейчас размещается психоневрологический интернат №3 г. Москвы).

Название села Усть-Пристань, стоящего на самом берегу «стрелки», в месте впадения Яхромы в Сестру, говорит о судоходном прошлом этих рек. Об этом вспоминает Галина Сиднева.

– Раньше жители и нашего села, и многих окрестных лесных сел занимались судоходным промыслом, – начинает, не спеша, Галина Михайловна. – Работали на мельницах, на старых деревянных шлюзах, доходивших до Сенежского озера, до Екатерининского канала, соединявшего Волгу с бассейном Москвы-реки. Когда река оказалась запертой трубой под новым каналом, по трубе даже на лодках стало трудно проезжать. Так что к войне у многих и лодок не было.

Сама Галина Михайловна уцелела после той сталинской операции, так как оказалась в другой деревне, которая не вошла в зону затопления.

Ее двоюродный брат Василий Сиднев тоже пережил войну. Служил в отряде зенитчиков в Лianosове.

– О страшном затоплении мне многие рассказывали, – вспоминает Василий Иванович. – Но приговаривали, что это – военная тайна.

– А чем вы занимались в Лianosове? – спрашиваю я.

– Ловили парашютистов. Очень много было диверсантов, которые пробирались пешком.

– Как пешком? Через линию фронта? – Да не было здесь никакой линии фронта. Немец с крупнокалиберной артиллерией на Красной Горке стоит, а мы на другом берегу – с одним пулеметным расчетом.

Как бы то ни было, ценою многочисленных жертв среди мирного населения в десятках поселков и деревень Сталину удалось многое. Ему удалось, не обладая никакими резервами, сократить зону боестолкновений на Западном фронте практически до двух небольших точек – у деревни Крюково и на Перемиловских высотах, где немцев, пытавшихся прорваться через канал, сдерживал случайно оказавшийся там отдельный бронепоезд №73 войск НКВД. Бронепоезд шел из Загорска к Красной Горке (где уже выступалась дальнобойная артиллерия, направленная на Москву), но застрял у станции Яхромы после взрыва моста через канал. Пока не была сформирована 1-я ударная армия Кузнецова, немцев на Перемиловских высотах (между Яхромой и Дмитровым) сдерживали бойцы 20-й армии под командованием генерала Андрея Власова. А монумент на Перемиловских высотах – единственный в России, где выбито имя этого генерала, который после окружения 2-й ударной армии Волховского фронта повернул оружие против Сталина.

По данным исследователя Михаила Архипова, в результате сброса вод Ивановского водохранилища подъем уровня Яхромы составил четыре метра, а уровень Сестры поднялся на целых шесть метров. В таком случае в зоне затопления оказывалось более тридцати деревень и множество мелких населен-

ных пунктов торфопредприятий, дома которых стояли непосредственно на урезе вод. Если вспомнить, что высота крестьянской избы с крышей не превышает четырех метров, а все вокруг было покрыто ледяной водой с осколками мелкого льда, то легко представить себе количество жертв. Не меньше (если не больше) их было и после взрыва плотины имени Куйбышева на Истринском водохранилище. Впрочем, другой исследователь, Валентин Барковский, считает, что зона затопления реки Сестры могла быть гораздо меньшей. Слишком мало было времени, чтобы сварить заслонки на Восточном портале трубы под каналом. Возможно, наспех сваренные щиты не выдержали напора волжской воды, и потоки, сбрасываемые из канала через заслонки, сразу ушли в Волгу. Поэтому и многие деревенские дома на берегу уцелели.

Об исполнении доложено

К сожалению, технические архивы канала не сохранились. Были уничтожены в эвакуации, в Ульяновске, при загадочных обстоятельствах. Известно лишь, что руководители Большеволжского участка канала Василий Некрасов и Яхромского Дмитрий Агафонов отчитались по инстанции о выполнении задания. Если что-то и не получилось, могли об этом умалчивать (результат невыполнения указаний Верховного предскажем). Одно можно сказать точно: водосброс через Яхрому позволил понизить уро-

Историки оценивают количество погибших каналармейцев как минимум в 700 тысяч человек (многие придерживаются оценок в полтора миллиона).

– Нет, каналармейцы!

Жертв строительства этого канала, построенного незадолго до Великой Отечественной, вполне можно причислить к жертвам обороны Москвы. Тем более, что число погибших здесь на порядок превышает количество жертв сталинских затоплений осени 1941 года. Историки оценивают количество погибших каналармейцев как минимум в 700 тысяч человек (многие придерживаются оценок в полтора миллиона).

Жизнь заключенного «на общих работах» редко продолжалась более шести месяцев. Каждый лагерь, каждая «подкомандировка» (как в том же Карманове на берегу Сестры) окружена огромными рвами с могилами погибших эзков. Выжить могли только «козлы» (сотрудничавшие с администрацией и пролезшие на административные должности), стукачи и «придурки». Так называли тех, кто устроился на хлебозерку, кухню, на должность киномеханика. Или музыкантом в оркестр. В новом документальном фильме «Из воды и водою, или частная тюрьма для воды» (режиссер – Антон

полем с могильным курганом, по ночам тайно хоронили трупы, обнаруженные при строительстве фундаментов под котеджи.

Через два года после начала строительства канала был издан приказ №359 от 03.07.1934 по Дмитлагу (так назывались подразделение ГУЛАГа, в ведении которого находился «Волгострой», позднее переименованный в «Каналстрой»). Вот что там написано по этому поводу: «Вопросу отвода участков под захоронения со стороны начальников строительных районов и участков не уделяется должного внимания, участки под кладбища занимают произвольно, без учета охранной зоны канала и расположения водоисточников, кладбища не окопаны, не обнесены изгородью, захоронения трупов производятся небрежно, особенно в зимнее время».

В приказе говорилось, в частности, о захоронениях в Южном строительном районе на Никольском и Щукинском участках. Речь идет о шлюзах №7 и №8. Никольский участок – это район нынешнего Никольского тупика (дамба через

нование канала трупами (при строительстве новых тоннелей под каналом).

Когда, зная обо всем этом, едешь по тоннелю, углубляющемуся с каждым зигзагом, кажется, что тоннель спускается в ад.

Потоп, которого не было

Справедливости ради надо сказать, что затопление населенных пунктов в Подмоскovie было не единственным в истории Второй мировой. Другой случай представлен в киноэпопее «Освобождение» Юрия Озерова. Как бы ни относиться к этому пропагандистскому творению, одна из финальных сцен этого фильма просто потрясает. Та сцена, в которой по указанию агонизирующего фюрера были открыты заслонки шлюзов на Шпрее, чтобы русские разведоты не добрались до подвалов рейхсканцелярии.

Вода сквозь открытые заслонки устремилась по тоннелям метро и городских электричек, затопляя на своем пути все станции, которые использовались жителями Берлина в качестве бомбоубежищ. В фильме мы видим подземную станцию городской электрички (S-бана) «Унтерден-Линден» в непосредственной близости от Рейхстага. Вода, хлынувшая по тоннелям, стремительно прибывает, а недавние враги – советские и немецкие солдаты – вместе спасают раненых и, выстраивая оцепление, выводят из затопленной станции женщин и детей (именно в этом эпизоде гибнет под водой один из главных героев фильма в исполнении Николая Олялина).

Еще худшая участь ждала Москву. Если бы с запасных путей станции Москва-Рязанская-товарная ушел спецпоезд в Куйбышев (Самару) с единственным пассажиром и его челядью, в Москве с приходом противника взорвали бы Химкинскую плотину, которая отделяет акваторию Химкинского водохранилища от вытекающей из него через парк «Покровское-Глебово» речки Химки. Уровень водохранилища – 162 метра, уровень Москвы-реки в центре Москвы – 120 метров. Сорокаметровый напор с объемом воды шести водохранилищ от Москвы до Икши смел бы все на своем пути, уничтожая все здания и сооружения вместе с их обитателями на протяжении десятков километров.

– Мы с вами сидим на третьем этаже в здании на самой высокой точке холма, – рассказывает бывший начальник управления Канала им. Москвы Иван Родионов. – Расчеты показывают, что поток воды дошел бы здесь до уровня третьего этажа, а верхние этажи многих высотных зданий в центре Москвы стоят на гораздо низшей отметке.

– А Кремль?

Родионов только разводит руками.

После войны идею затопления столицы России стали приписывать Гитлеру. У московского драматурга и режиссера Андрея Вишневского появилась даже пьеса Moskauersee о жизни в послевоенной Москве (на озере, образовавшемся после победы Гитлера). Однако затопление столицы силами войск НКВД было неизбежным именно после отъезда Сталина. К таким процедурам готовились очень тщательно.

– Когда в восьмидесятые годы прошлого столетия разбирали старый мост на Дмитровском шоссе, в его основании нашли десятки тонн взрывчатки, пролежавшей в насыпи еще с войны, – говорит Валентин Барковский.

Сколько тонн взрывчатки лежит в насыпи Химкинской плотины, неизвестно. Плотина в парке «Покровское-Глебово» до сих пор опутана ограждениями с колючей проволокой и круглосуточно охраняется автоматчиками.

Редакция благодарит за помощь в подготовке материала ФГУП «Канал им. Москвы»

Современный вид Канала имени Москвы. Туристический теплоход проходит шлюз

вень и взломать лед на всех шести подмосковных водохранилищах (так же, как и на Иваньковском).

Независимо от точки подъема на трубе под каналом, последствия затопления были чудовищными. Как во время памятного весеннего паводка на Лене (когда был затоплен город Ленск), с той лишь разницей, что все происходило в сорокаградусный мороз.

– Люди могли гибнуть, даже если дом чуть подтоплен, – говорит профессор-реаниматолог Фарит Галеев. – Стоит человеку в сорокаградусный мороз полчаса простоять по колено в воде, он уже треп.

Когда я беседую на эту тему с профессиональными военными, мне часто говорят, что педалировать тему гибели гражданского населения не имеет смысла. Мол, гибель мирного населения неизбежна. Из 27 миллионов жертв войны почти две трети находятся за пределами штатной численности РККА. Штурм лютого села – это артобстрел, в котором гибнут прежде всего жители этого села.

Смерть без шлюзов

Когда я пытался выяснить зону затопления (и ориентировочное количество жертв) у старых жителей села Карманова, расположенного на реке Сестре, они обратили мое внимание на совершенно другие жертвы.

– Видите тот холм? Там просто скелеты внавалку! – мне показывают на небольшой холмик на берегу Сестры. – Там лежат каналармейцы.

– Красноармейцы?

Васильев) есть потрясающий кадр: умирающие эзки бегут с тачками, а на парапете строящегося шлюза играет духовой оркестр – чтобы веселее было умирать. И названия сохранившихся поселков соответствовали темпам гибели от изнурительного труда: Темпы, Соревнование, Каналстрой, Трудовая-Северная...

В Москве массовые захоронения находятся там, где больше всего погибало эзков: вокруг шлюзов канала «Москва-Волга». Мало кому известны захоронения расположены в Нижних Мневниках, у 9-го шлюза (за нынешним рестораном «Ермак»), в парке «Покровское-Глебово», между 7-м и 8-м шлюзами, на берегу речки Химки.

На строительстве 10-го шлюза, в Перерве, было два отдельных лагеря: один – для священников, другой – для «шпионов», в основном сотрудников Коминтерна. Лагерь для «шпионов» располагался на нынешней улице Гурьянова (неподалеку от дома, взорванного осенью в 1999-го). Второй – для священников – ниже по течению, на другом берегу Москвы-реки, у восточного входа в парк «Коломенское». Хоронили эзков на нынешней Коломенской набережной, у верхних ворот 10-го шлюза. Впрочем, погибающих было так много, что все окрестные рвы в Коломенском были заняты трупами. Речники рассказывают, что после каждого весеннего водосброса скелеты эзков можно увидеть на обнажающихся склонах парка «Коломенское».

Жители подмосковного поселка Лётчик-Испытатель (около 6-го шлюза) рассказывают, как прошлым летом «новые русские», завладев бывшим колхозным

речку Химку у 7-го шлюза), а Щукинский – участок у 8-го шлюза (бывшая деревня Щукино, располагавшаяся на месте нынешнего жилищного комплекса «Алые паруса»).

Приказом №359 было предписано «в месячный срок оформить захоронения, выполняя их, по возможности, на гражданских кладбищах, а самостоятельные кладбища открывать только в крайних случаях, согласовывая их с начальниками санитарных отделений лагерей и гражданскими органами санитарного надзора». Однако умирающих эзков было так много, что ни о каких «гражданских кладбищах» не могло быть и речи. Тогда возникла и другая практика (позднее воспроизведенная при строительстве таджиками модных элитных новостроек – о чем говорилось в том же фильме «Из воды и водою, или частная тюрьма для воды»): погибающих и умирающих эзков замуровывали в бетонные основания шлюзов. Естественно, и случайно упавших со строительных лесов никто не поднимал. Медленно погибали, затягиваемые жидким бетоном (в литературе описан подобный случай на строительстве шлюза №3 в Яхроме).

О том, что это отнюдь не досужие байки, говорят свидетельства строителей, недавно прокладывавших две новые нитки тоннелей Волоколамского шоссе под каналом между 7-м и 8-м шлюзами и строивших транспортную развязку на пересечении улицы Свободы и Волоколамского шоссе. Они сталкивались и с огромными рвами, внавалку заполненными скелетами (при строительстве опор эстакады), и с замурованными в ос-

Проклятие

МНОГИХ ИЗ НИХ ПРОКЛЯЛИ ИНДЕЙЦЫ-АБОРИГЕНЫ, А ИНЫЕ, НАОБОРОТ, САМИ ОБЛАДАЛИ ДАРОМ ПРЕДВИДЕНИЯ И ПРОЧИМИ СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫМИ СПОСОБНОСТЯМИ

■ Владимир АБАРИНОВ

Публикация 2006 года

Мировая история исполнена мистических событий – грозных проклятий, необъяснимых загадок, проклятий и предзнаменований. США – не исключение. Страна, которую мы привыкли считать образцом рационализма и трезвого расчета, верит в мистическую сторону своей истории.

Вашингтоново видение

Зима 1777-1778 годов стала одним из самых трудных для американцев периодов Войны за независимость. Потерпев ряд тяжелых поражений, Континентальная армия под командованием генерала Вашингтона была вынуждена сдать англичанам Филадельфию и встала на зимовку у поселка Вэлли-Фордж в Пенсильвании. Солдаты страдали от голода, холода и инфекционных болезней. Фермеры предпочитали снабжать продовольствием англичан, которые платили звонкой монетой, а на реквизиции отвечали враждебностью. Среди населения колоний царили пораженческие настроения.

В такой обстановке однажды днем Вашингтон сидел в своей палатке за грубо сколоченным столом, составляя донесение Конгрессу. Он писал, что опасается массового дезертирства или даже солдатского бунта. Внезапно он почувствовал какое-то необъяснимое беспокойство. Генерал поднял глаза и, как он сам рассказывал впоследствии, «узрел женщину необычайной красоты», молча стоявшую перед ним.

Воздух как бы сгустился, в нем появилось какое-то свечение, женская фигура приобрела воздушность, невесомость и в то же время стала более отчетливой.

Наконец Вашингтон услышал: «Сын Республики, смотри и знай». Фигура простерла руку на восток; там, куда показывала рука, возникло плотное белое клубящееся марево. Когда туман рассеялся, генерал увидел лежащую на одной плоскости карту мира, но карту живую: океаны омывали материки как наяву. В воздухе проступили контуры некоей тени. Этот темный ангел погрузил обе ладони в воды Атлантики, а затем плеснул водой на Европу и Америку. Вашингтон увидел мерцание вспышек молнии и услышал отдаленные стоны и крики отчаяния. «Темный ангел» снова омыл океанской водой оба берега Атлантики, и на американской земле показалось множество городов и селений.

Голос повторил свой призыв смотреть и знать, и над Африкой появился «предвещающий беду призрак». Он устремился к Америке, и в тех местах, над которыми он пролетал, люди начинали биться насмерть друг с другом. Вдруг возник другой, «светлый ангел», на челе которого сияла корона, и из ее огней составилось слово «Союз», а в руке его парил американский национальный флаг.

«Темный ангел» поднес к губам трубу, и вострубил трижды, и окропил океан-

ской водой Европу, Азию и Африку, и над каждым континентом воспарило черное облако, и все три соединились в одно. Потрясенный генерал видел при свете тусклых красных проблесков «полчища вооруженных людей», марширующие в направлении Америки и плывущие к ней на кораблях. И снова туча накрыла Америку, но и сквозь тучу Вашингтон видел, как иноземное войско жжет и разоряет ее города. Но вот туча над Америкой рассеялась, и с небес на землю спустились «легионы белых духов». И голос ангела со словом «Союз» на челе произнес: «Пока сияют звезды и небеса орошают землю, до тех пор будет жить Союз».

Видение рассеялось, но женщина осталась, чтобы сказать Вашингтону напоследок: «Сын Республики, то, что ты видел, – три великие опасности, угрожающие Республике. Научи каждое дитя Республики жить ради Господа, своей земли и своего Союза». С этими словами ночная посетительница растворилась в воздухе.

Единственным человеком, которому Вашингтон поведал о своем видении, был юный офицер Энтони Шерман. Шерман видел, как генерал показался из палатки и направился в близлежащие за-

росли кустарника, где обычно молился в одиночестве. Генерал вернулся к себе в палатку уже в сумерках и спустя некоторое время призвал к себе Шермана – не потому, что юноша был особо доверенным лицом, а потому, что он был в тот день дежурным офицером при командующем. Поговорив с полчаса о разных предметах, Вашингтон вдруг посмотрел на собеседника пристальным взглядом и в деталях рассказал о случившемся. Шерман прилежно записал рассказ от первого лица. Он решился предать его гласности только в 1859 году, когда самому ему было уже 99 лет, опасаясь, что тайна умрет вместе с ним.

В том, что Джордж Вашингтон считал себя орудием Промысла Божьего, нет никаких сомнений. В этом его и его армию убеждала схожая с суворовской неуязвимость генерала. Он переболел, кажется, всеми мыслимыми заразными болезнями, но выжил; его ни разу не коснулась вражеская пуля, хотя он не отсиживался во время боя, как подобает полководцу, в тенишке на пригорке.

По поводу трех угроз Америке у толкователей особых разногласий нет: помимо Войны за независимость, это Гражданская и Первая мировая.

4 марта 1841 года на инаугурационной церемонии президент Уильям Гаррисон произнес на холодном ветру почти двухчасовую речь. Через месяц он скончался от воспаления легких.

Слева: Джордж Вашингтон, которому во время чудесного видения открылось будущее Америки

«Сын Республики, то, что ты видел, – три великие опасности, угрожающие Республике. Научи каждое дитя Республики жить ради Господа, своей земли и своего Союза». С этими словами ночная посетительница растворилась в воздухе.

президентов

Благодаря вмешательству медиумов Авраам Линкольн (слева, с семьей) в 1862 году подписал Прокламацию об освобождении рабов. Через два с половиной года в ложе Театра Форда его смертельно ранил актер Джон Бут. Убийца пытался спастись, выпрыгнув на сцену (справа), но в конце концов был убит

Зловещее пророчество Тенскватавы

В начале XIX века наиболее упорное сопротивление экспансии американцев оказывало индейское племя шауни, обосновавшееся в верховьях реки Огайо. Вождь шауни Текумсе пытался создать конфедерацию племен, одержал ряд побед. Но в ноябре 1811 года губернатор Индианы Уильям Генри Гаррисон с отрядом в 1200 человек напал на главный поселок шауни на ручье Типпекано и сжег его. Шауни так и не оправились от разгрома; остатки племени серьезной угрозы уже не представляли. Текумсе ушел в Канаду и во время войны 1812 года воевал на стороне англичан в чине бригадного генерала.

Его младший брат, Тенскватава, был шаманом и носил прозвище «пророк шауни». Желая подорвать его религиозный авторитет, губернатор Гаррисон не раз называл его самозванцем и требовал делом доказать паранормальные способности. После смерти старшего брата Тенскватава произнес свое самое известное и зловещее пророчество. Он предрек, что Гаррисон попытается стать Большим Вождем, но первая попытка окажется неудачной; он будет, вероятно, избран в следующий раз, но если это случится, Гаррисон умрет на этом посту. Более того: после него будет погибать каждый Большой Вождь американцев, избранный с интервалом в 20 лет.

Военная карьера Гаррисона не заладилась: вскоре после войны 1812 года он вышел в отставку из-за разногласий с военным министром. Он был избран в Па-

лату представителей, потерпел неудачу на выборах губернатора Огайо, стал сенатором, а затем послом в Колумбии. Но на дипломатическом поприще Гаррисон оставался недолго и вернулся восвояси на свою ферму в Огайо. Будучи отцом девяти детей, он в конце концов в поисках средств к существованию поступил на должность судебного писаря и ни о каком новом взлете не мечтал.

Однако судьба преподнесла ему сюрприз. Не имея сильного кандидата на президентских выборах 1836 года, виги решили взять числом: они выставили против демократа Мартина Ван Бюрена сразу четырех кандидатов, дабы распылить голоса избирателей и не позволить Ван Бюрену набрать необходимое большинство. Одним из четверых стал герой войны с индейцами Уильям Генри Гаррисон. Однако трюк не удался, президентом стал Ван Бюрен. Таким образом, сбылась первая часть предсказания индейского пророка. Четыре года спустя Гаррисон стал единственным соперником Ван Бюрена и был избран. Пророчество шамана продолжало сбываться.

Возможно, в этот период Гаррисона охватило дурное предчувствие. Прощаясь с друзьями перед отъездом в Вашингтон, он вдруг помрачнел и сказал, что они, быть может, видят его последний раз в жизни. До столицы Гаррисон добирался на перекладных: в дилижансе, на пароходе, поездом, повсюду делая остановки и встречаясь с народом; до места своей новой службы он доехал крайне утомленным. День инаугурации 4 марта 1841 года выдался в Вашингтоне холодным, ветреным и дождливым. Но 68-летний Гаррисон, желая предстать перед публи-

кой в эффектном образе, прибыл к месту церемонии верхом на белой лошади, без шляпы и теплой шинели. После приведения к присяге он произнес на пронизывающем ветру самую длинную в истории США инаугурационную речь – она продолжалась один час 45 минут. Позднее в тот же день президент попал еще и под проливной дождь и к вечеру слег с сильнейшей простудой. Он провел на одре болезни ровно месяц и 4 апреля скончался от воспаления легких.

Гаррисон стал первым президентом, который умер во время исполнения обязанностей. Индейского пророка к тому времени уже не было в живых. О его пророчестве помнили немногие.

Под диктовку ясновидящей

Авраама Линкольна христианские проповедники-афроамериканцы любили сравнивать с Иисусом: оба родились в семье плотника, оба рассказывали притчи, обоим убили в Страстную Пятницу. Как и в жизнеописаниях Христа, в рассказах современников о Линкольне много апокрифических деталей. Так или иначе, но в харизме Линкольна сомневаться не приходится. Фаталист, визионер и мистик, он был глубоким знатоком Библии, которую читал с раннего детства, а впоследствии под влиянием жены уверовал и в возможность общения с душами умерших.

В 1858 году Линкольн избирался в Сенат. На съезде республиканцев Иллинойса он произнес знаменитую речь. Она считается образцом американского ораторского искусства и вошла в хрестоматию под заголовком «Дом разделенный». Ее ключевая фраза – цитата из Евангелия

от Матфея: «Дом, разделившийся сам в себе, не устоит» (Мф., 12:25). Линкольн говорил о противостоянии Севера и Юга. В ноябре 1860 года он был избран президентом.

В его доме в Спрингфилде, Иллинойс, незадолго до инаугурации случилось ему видение. После долгого утомительного дня он лег в постель и в полудреме вдруг увидел в зеркале напротив собственное отражение, однако раздвоенное. Линкольн встал, чтобы приглядеться, но двойной образ исчез. Снова лег – он появился снова. На сей раз Линкольн заметил, что одно из двух его лиц гораздо бледнее другого.

Наутро он рассказал о происшествии жене. Она истолковала весть, посланную через зеркало, так: Линкольн будет избран президентом и на второй срок, но не доживет до его конца. Через месяц после приведения Линкольна к президентской присяге началась Гражданская война – страна раскололась надвое. Братоубийственная схватка унесла в конечном счете 600 тысяч жизней.

Событием, непоправимо изменившим внутренний мир Линкольных, стала в феврале 1862 года смерть от простуды их горячо любимого сына Вилли. Вскоре безутешная первая леди, желая вступить в контакт с душой усопшего, посетила спиритический сеанс в доме известного медиума. Там ей представили 21-летнюю Нетти Колберн. Откровения, изреченные впавшей в транс девушкой, произвели огромное впечатление на Мэри Тодд Линкольн, и Нетти была приглашена в Белый дом. При первой же встрече с президентом она потрясла его. Медиум не слышит и не помнит того, что он говорит во время сеанса, поэтому в своем рассказе об этом эпизоде Нетти Колберн-Мэйнард ссылается на рассказы очевидцев. Дух, вселившийся в нее, дал президенту множество указаний относительно теку-

щих политических вопросов, а затем сказал, что президент не должен затягивать обнародование Прокламации об освобождении рабов до начала следующего, 1863 года. (Документ был готов давно, но ждали удобного момента.) Очнувшись от транса, Нетти обнаружила себя стоящей напротив президента, который сидел, скрестив руки на груди.

Был и другой сеанс, в ходе которого с аналогичным указанием к Линкольну обратился через совсем юную девочку-медиума римский философ Сенека. 22 сентября 1862 года Линкольн внял воле загробного мира и подписал Прокламацию об освобождении. Этот шаг радикально изменил цели и смысл войны, которая прежде велась во имя единства Союза, и позволил призвать под ружье вчерашних рабов. Кроме того, он лишил Англию и Францию, правительства которых симпатизировали Югу, возможности вступить «в войну из-за рабства» – ведь в обеих колониальных державах рабство было объявлено вне закона.

Индийское проклятие сбывается вновь

В 1864 году Линкольна избрали на второй срок. В ночь после инаугурации он подошел со свечой к зеркалу, и бывшее видение повторилось: ясный, полнокровный образ стоял на переднем плане, а за его спиной виднелась его мертвенно-бледная тень. По признанию Линкольна, это зрелище напрочь лишило его присутствия духа: он знал, что отчетливый образ это его прошлое, а его покойник – будущее.

9 апреля 1865 года война закончилась капитуляцией армии конфедератов. Президенту суждено было прожить после победы считанные дни. Однажды он лег спать очень поздно. В Белом доме царила мертвая тишина, однако спустя некоторое время президенту послышался неясный шум, похожий на приглушенные рыдания множества людей. Линкольн встал с постели и спустился по лестнице на первый этаж. Он обходил комнату за комнатой, но нигде не было ни единой живой души. Наконец, он вошел в Восточную гостиную, посреди которой стоял катафалк, а на нем гроб. Вокруг катафалка несли караул солдаты, а помещение было заполнено скорбящими людьми. Лицо покойника было покрыто траурным крепом. «Кто умер в Белом доме?» – спросил Линкольн у солдата. «Президент, – ответил тот. – Он убит при покушении». Линкольн проснулся и больше в ту ночь уже не смог уснуть.

Джеймс Гарфилд, избранный в 1880 году, четыре месяца спустя получил пулевое ранение в спину и после мучений скончался

освобождения военнопленных конфедератов. После капитуляции похищение лишилось смысла, и Бут решил убить президента. Троице другим конспираторам предстояло прикончить вице-президента Эндрю Джонсона и госсекретаря Уильяма Сьюарда. Все три покушения должны были произойти одновременно.

Вооружение Бута состояло из однозарядного короткоствольного пистолета и охотничьего ножа. Его план удался на славу. Охранявший Линкольна полицейский отлучился со своего поста у президентской ложи – он отправился в бар освежиться. Шел уже третий акт. Президент находился в ложе в обществе своей жены и молодой пары, Клары Харрис и майора Генри Рэтбона. Ровно в условленное время, 22.15, Бут распахнул дверь ложи и в упор выстрелил Линкольну в голову. Майор Рэтбон бросился на Бута, но тот выхватил нож и в завязавшейся схватке ранил противника в руку, после чего выпрыгнул из ложи на сцену и выкрикнул: «Sic semper tyrannis!» («Таков извечный удел тиранов!» – слова, будто бы сказанные Брутом после убийства Цезаря и ставшие девизом штата Вирджиния). Размахивая ножом, Бут про-

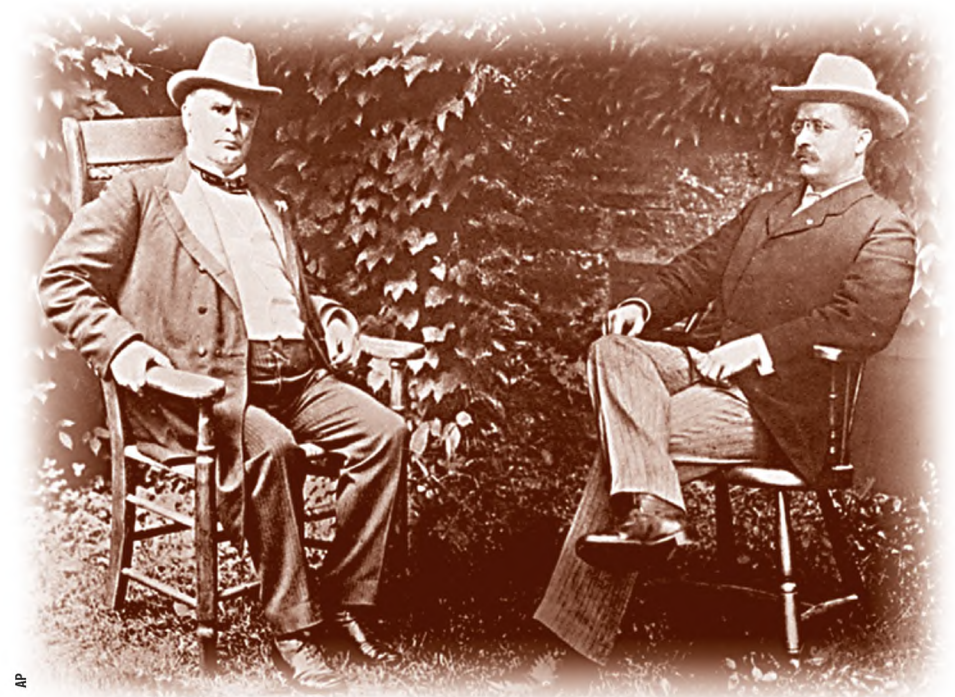
ложил себе дорогу за кулисы и, несмотря на сломанную при прыжке ногу, скрылся на глазах у изумленной публики. На улице его дожидалась лошадь. Вскочив в седло, актер, исполнивший свою роль, благодаря которой он вошел в историю, усакал из города.

Заговорщик, которому было поручено убить вице-президента, так и не предпринял попытки это осуществить. Госсекретарь был ранен, но остался жив, хотя и с изуродованным лицом. Погоня настигла злоумышленников, Бута и Дэвида Харолда, лишь ранним утром 26 апреля на ферме в Вирджинии. Оба укрылись в амбаре. Харолд, не убивавший никого, в конце концов сдался. Бут отказался, и преследователи подожгли амбар, но выкурить Бута не удалось, и он был застрелен. Майор Рэтбон в 1883 году убил свою жену и остаток жизни провел в приюте для умалишенных.

Авраам Линкольн скончался на следующий после покушения день. Индеец проклятие снова сбылось.

Ужасная смерть Джеймса Гарфилда

Через 20 лет после первого избрания Линкольна, в ноябре 1880 года, 20-м Президентом США стал Джеймс Гарфилд. Он пробился наверх из социальных низов – был младшим из четырех детей матери-одиночки, с ранних лет трудился на ферме, работал и учился одновременно. В Белый дом Гарфилд пришел с программой реформы государственной службы. Он решил покончить с системой «дележа добычи», при которой члены победившей партии заполняют все вакансии, и заменить ее системой назначения «по заслугам», то есть исходя из личных способностей и

14 апреля 1865 года он с женой и друзьями отправился в Театр Форда на спектакль «Наш американский кузен». Убийцу Линкольна, актера Джона Уилкса Бута, рецензенты называли «самым обворожительным мужчиной Америки». Бут в свое время возглавил заговор с целью похищения Линкольна. Заговорщики планировали взять президента Союза в заложники, доставить его в столицу Конфедерации Ричмонд и потребовать

Президент Уильям Маккинли был ранен анархистом Леоном Чолгошем (слева) на Панамериканской выставке (вверху) и умер от заражения крови. Слева вверху: Маккинли (слева) с Теодором Рузвельтом

профессиональной квалификации кандидата на должность. По этому поводу Гарфилд уже после выборов вступил в острый конфликт с боссами выдвинувшей его Республиканской партии.

Однако Гарфилд не успел реализовать свои планы в полной мере. Более того – именно они и стали причиной его смерти. Утром 2 июля 1881 года президент приехал на железнодорожный вокзал Вашингтона, намереваясь отправиться в поездку по северным штатам и тем спастись от адского пекла, в которое превращается американская столица летом. Однако турне не состоялось: в полупустом зале ожидания Гарфилд был смертельно ранен выстрелом в спину и рухнул наземь. Убийца отнюдь не пытался скрыться. Напротив, он остался возле тела, дабы убедиться, что не промахнулся.

Покушавшимся оказался Чарльз Гитто, безуспешный соискатель государст-

Одновременно они делали бодрые заявления для печати, хотя в личных дневниках, как выяснилось впоследствии, предавались самому мрачному пессимизму. В августе страдания Гарфилда стали невыносимы. 19 августа у него закатился правый глаз. Еще через десять дней доктора подвергли его новому испытанию: на лице президента было сделано несколько надрезов, из которых хлынул гной. Придя в сознание, Гарфилд потребовал перевезти его в его родной штат Огайо, куда он и направлялся в день покушения. 19 сентября 1881 года он скончался в Элбероне, Нью-Джерси.

Он управлял страной всего четыре месяца и 80 дней умирал. Гарфилд стал вторым по краткости пребывания в должности после Уильяма Генри Гаррисона.

Он управлял страной всего четыре месяца и 80 дней умирал. Гарфилд стал вторым по краткости пребывания в должности после Уильяма Генри Гаррисона.

венной должности. Он хотел служить по дипломатическому ведомству, желательнее в Париже, но получил восемь отказов кряду. Коллекционный револьвер он купил специально с таким расчетом, чтобы орудие мести не стыдно было выставить в музее.

Пуля попала в спину. На место происшествия вскоре прибыло в общей сложности 10 врачей. Они приложили к ступням ног раненого бутылку с горячей водой, открыли, затем закрыли окно, поместили его на матрас и перевезли в Белый дом – это была вся помощь, оказанная на месте. Рана выглядела несерьезно. Гарфилду сделали инъекцию морфия, и его вырвало. Лишь в 17.30 с него сняли пропитавшийся кровью костюм. Президенту дали бокал шампанского, отчего ему, естественно, лучше не стало. Наконец, под утро главный хирург Военно-морских сил США Уэлс погрузил палец в зияющую рану и объявил, что у президента прострелена печень. После него еще 14 докторов ковыряли пальцами рану, пытаясь найти и извлечь пулю. В микробов тогда почти никто не верил, над открытием Пастера и методами антисептики издевались. Вдобавок консилиум разделился на партии аллопатов и гомеопатов. Пациент стал в итоге добычей последних.

Тем временем на город навалилась страшная жара. В Вашингтоне, расположенном на болотистом берегу Потомака, малярия была обычным заболеванием. «Вашингтон пост» недаром писала, что Белый дом невозможно больше использовать в качестве резиденции главы государства, ибо он «кишит паразитами с погребом по чердак». Гарфилд страдал от зноя, и окружающие изобретали всевозможные способы облегчить его мучения. В Белый дом спешно доставлялись глыбы льда и различные машины для охлаждения воздуха. Компрессор, доставленный из Нью-Йорка в разобранном виде, был смонтирован, но так и не заработал: у инженеров не оказалось достаточно мощного мотора, чтобы привести его в движение.

Агония продолжалась. Через три недели после покушения, 26 июля, доктора поняли, что потерпели полную неудачу в попытках найти пулю. У одра болезни появился Александр Белл. Желая помочь медикам, он изобрел металлодетектор, состоящий из двух электромагнитов, соединенных с телефонной трубкой. Прибор оказался бесполезным: пуля была совсем не там, где искал ее Белл, к тому же Гарфилд лежал на железной кровати. Совершенно не соответствовала характеру ранения диета Гарфилда: он ел бифштексы, яйца и пил бренди; при этом рвота продолжалась, и он быстро терял вес. В сущности, единственное, чем помогли ему врачи, это дренажные трубки, посредством которых они откачивали гной.

йоркской таможни, был диаметральной противоположностью своего предшественника.

Третья жертва индейца шауни

Уильям Маккинли, избранный главой государства в 1896 году, вошел в историю как сильный президент, при котором США стали мировой державой. Он был сторонником жестких протекционистских мер во внешней торговле и проводил активную внешнюю политику. При нем США выиграли войну с Испанией, аннексировали Гавайи и часть архипелага Самоа и провозгласили доктрину «открытых дверей». В 1900 году он был переизбран на второй срок и таким образом попал под дефиницию индейского шамана.

Маккинли много и охотно общался с журналистами и народом. (У него даже был попугай по кличке Вашингтон Пост.) Эта склонность его в конце концов и погубила. 6 сентября 1901 года в Буффало, штат Нью-Йорк, в него выстрелил анархист Леон Чолгош – выходец из семьи польских иммигрантов из России.

Это произошло на Панамериканской выставке, в павильоне «Храм музыки». Чолгош выстоял многочасовую очередь, прежде чем открылись двери, из гигантского органа донеслись звуки сонаты Баха, и публика заполнила зал. Президент вышел к народу и стал пожимать руки. Будучи левшой, он протянул Чолгошу левую руку. Чолгош поднял правую, которая оказалась забитой пулей. Из-под повязки грянули два выстрела. Убийцу едва спасли от суда Линча – толпу остановил сам президент.

При аресте Чолгош заявил, что он анархист и «просто исполнял свой долг». Президент Маккинли умер 14 сентября, но не от огнестрельных ран, а от заражения крови. (Одна из двух пуль вообще не попала в тело – она угодила в пуговицу.) Он считается первым президентом, совершившим поездку на автомобиле, – с места происшествия в больницу его отвезла «самобеглая» карета «скорой помощи».

Суд над Чолгошем продолжался всего 8 часов 25 минут. Его казнили на электрическом стуле спустя 45 дней после смерти Маккинли.

Вояж непонимания

Выдвижению Уоррена Гардинга на съезде республиканцев в 1920 году способствовала группа коррумпированных политиков и промышленников из штата Огайо, известных как «огайская шайка». Он был опытным политиком, к тому же обладал осанистой обаятельной внешностью и отличался жизнелюбием. Гардинг провел свою президентскую кампанию

под лозунгом «назад к нормальности» (слова normalcy в английском языке не существовало – его придумали политтехнологи кандидата). После бурных и нелегких военных лет этот призыв возымел действие. Гардинг выиграл с огромным преимуществом.

Он был страшно популярным президентом, но в истории остался как едва ли не худший. Президентство Гардинга вошло в анналы главным образом коррупционными скандалами, один из которых, с нефтяным месторождением Типот-Доум в штате Вайоминг, считался до Уотергейта крупнейшим в истории США. Члены кабинета Гардинга содействовали незаконной передаче в частные руки месторождения, находившегося в федеральной собственности, да к тому же бывшим топливным резервом военного флота (министр Военно-морских сил был в доле – он и придумал всю схему). В апреле 1922 году Wall Street Journal опубли-

ковала статью о нефтяной сделке, и Сенат начал расследование. Но дело было спущено на тормозах. Тут-то и разразился взрыв общественного негодования. Обеспокоенный проникшей в прессу информацией о казнокрадстве в правительстве, но не решаясь открыто выступить против своих бывших покровителей, Уоррен Гардинг отправился летом 1923 года в турне по городам Западного побережья и Аляски, посредством которого он надеялся возродить народную любовь к себе, – поездка получила название «Вояж понимания». На обратном пути в Сиэтле Гардинг пожаловался на боли в желудке, и его уложили в постель. Сопровождавший его в поездке врач Чарльз Соьер пришел к выводу, что налицо пищевое от-

равление – президент еще на Аляске откусил краба. В Сан-Франциско пришлось отменить все мероприятия. Вечером 2 августа жена президента Флоренс читала ему вслух газету, затем оставила его одного в номере отеля, чтобы ненадолго зайти в свой номер напротив. В это время в спальню президента вошла одна из сиделок со стаканом воды и таблетками. Она увидела, что лицо пациента искажено судорогой, а рот открыт в немом крике, и бросилась за первой леди. Когда подошел доктор, президент был уже мертв. Он скончался на руках у жены. По словам последней, агония была ужасной.

Внезапная кончина цветущего 58-летнего президента-бонвивана, обожавшего публичную политику и неумоимо колесившего по стране, потрясла Америку. Пошли слухи о насильственной смерти. В отравлении президента подозревали «огайскую шайку», в которую задним числом записали и доктора. Появились сообщения, что покойный получал письма угрожающего содержания и незадолго до смерти распорядился усилить свою охрану. Не исключалась и версия самоубийства: выяснилось, что в юности Гардинг страдал расстройством психики, а в последние недели жизни впал в жестокую депрессию. Наконец, в число подозреваемых попала и первая леди Флоренс Гардинг.

Она была на пять лет старше президента и успела овдоветь к тому моменту, когда они познакомились. Общих детей у Гардингов не было. Уоррен был прирожденным ловеласом. Его две любовницы особенно досаждали «графине», как звал свою жену Гардинг. Одна из них, молодая незамужняя дама, родила от президента дочь и, подобно Монике Левински, норовила как можно чаще попадаться публике на глаза вместе с президентом. Флоренс навлекла на себя подозрение категорическим запретом вскрывать тело и не разрешила даже снять посмертную маску. Смерть Уоррена Гардинга по сей день остается одной из загадок американской истории.

Вашингтон

Уоррен Гардинг (на снимке: рядом с Мари Кюри) скоропостижно скончался в 1923 году при невыясненных обстоятельствах

Хонеккер и печник

Самосуд Пауля Эслинга (справа) над главой ГДР не удался. Но в 1992 году Эрих Хонеккер отвечал перед законом за гибель 13 перебежчиков в ФРГ

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ 1982 ГОДА ЕДВА НЕ ОБОРВАЛ ЖИЗНЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ГОССОВЕТА ГДР, ГЕНЕРАЛЬНОГО СЕКРЕТАРЯ ЦК СЕПГ ЭРИХА ХОНЕККЕРА. ЭТО ПОКУШЕНИЕ ДО СИХ ПОР ВЫЗЫВАЕТ БОЛЬШЕ ВОПРОСОВ, ЧЕМ ОТВЕТОВ

кто владел угодьями до Хонеккера. Но его ограда была самой непроницаемой – для ее возведения выписали даже специальную машину из Австралии.

В охоте Хонеккер был ненасытен. Вместе со своим закадычным приятелем членом политбюро Гюнтером Миттагом он не обращал внимания ни на охотничьи правила, ни на сроки. В один день эта парочка могла, по свидетельству бывшего лесника Хорста Мильднера, укокошить по десятку, а то и по дюжине голов крупного зверя. Правда, по замечанию Мильднера, Миттаг никогда не забывал осведомиться, сколько раз стрелял товарищ Хонеккер: опасался ненароком «обстрелять» генерального.

«После того как он кого-нибудь убивал, – вспоминал бывший охранник Хонеккера Берндт Брюкнер, – за дело принимались мы, личная охрана. Зверя потрошили и доставляли в специальную залу. Ружье у генсека забирали, чтобы тщательно вычистить (сам он такими мелочами не занимался), а он, заранее улыбаясь, спешил в залу, чтобы еще раз как следует разглядеть добычу. Если здесь бывали гости, то их трофеи вывешивали отдельно, чтобы можно было понять, кто что добыл».

Кого только не усаживал Хонеккер в плюшевые кресла перед громадным камином кайзеровских времен! И лидера революционного Никарагуа Даниэля Ортегу, и министра обороны Кубы Рауля Кастро, не говоря уж о немцах из другой Германии – в первую голову, конечно, социал-демократов – Херберта Венера, Хельмута Шмидта, Оскара Лафонте, Ханса-Йохена Фогеля. Но не чурался и капиталистов – Бертольда Байтца из концерна "Крупп", главного реваншиста Йозефа Штрауса, у которого перед тем самым кайзеровским камином генсеку удалось выбить миллиардный кредит для гдээрзовской экономики, начинавшей дышать на ладан.

А самую помпезную охоту Шорфхайде увидел в октябре 1979-го, когда празд-

новать 30-летие ГДР прибыл лично Леонид Ильич Брежнев. Не за нее ли Хонеккер удостоился того знаменитого засоса, что позже украсил Берлинскую стену?

Вот туда-то, в Шорфхайде, и отправился генсек 31 января 1982 года в 13.00...

Печник

Фигуру печника Пауля Эслинга столь плотно обвили слухи и легенды, что разглядеть ее истинную суть едва ли возможно. Под тот Новый год ему было сорок один. Трое детей от первого брака, из которых две девочки, остались с матерью в Берлине. До недавнего времени жил вместе с подружкой Зиглине С., но когда она бросила его, вернулся в отчий дом в Клостерфельде. Однако накануне происшествия выдвинулся с нею.

По гдээрзовским меркам профессия позволяла Паулю жить как вздумается. О куске хлеба беспокоиться причин не было. Ездил он не на каком-нибудь сером «трабанте» или «вартбурге», а на темно-зеленой «Ладе-1300».

Попивал? И если да, то могло ли это серьезно повлиять на состояние его рассудка? Одни знакомые подтверждали его приверженность алкоголю, другие столь же дружно отрицали. Информанты «Штерна» утверждали, что он давно «завязал», а из медицинского заключения, хранившегося в «Штази», следует, что он был чуть ли не запойным. Оно приписывает Эслингу замкнутость, легкую возбудимость и ослиное упрямство. Под воздействием алкоголя он якобы чувствовал себя беспомощным, его одолевало беспричинное беспокойство. Короче говоря, перечислены все отклонения, способные натолкнуть на вывод: Эслинг был явно склонен к суициду.

Абсолютно точно установлено, что он был «подвинут» на оружии. Штази обнаружила в его доме и по соседству целый склад. Там были и охотничьи двустволки, и мелкокалиберки, и пневматички,

Хонеккер

Семидесятилетний властитель ГДР не представлял себе жизни без охоты. «Когда я, – вспоминал Хонеккер, – в 1956 году вернулся из Москвы после учебы (а я и до того, как член Союза свободной немецкой молодежи, охотился в Шорфхайде), то был крайне удивлен тем, во что превратилось это место». Все дело в том, что командование Группы советских войск в Германии устроило в этой сказочной местности обычный армейский полигон. «Первое, что я предпринял, получив пост заведующего отделом безопасности в Центральном комитете, была ликвидация полигона». Вот она – охота пуще неволи! Не сегодня-завтра холодная война сменится «горячей», а заводилом безопасности, преодолевающей, как можно предположить, немалое сопротивление командования ГСВГ, борется за сохранение охотничьих угодий.

Правда, Шорфхайде стоил того. Здесь располагается охотничий замок Хубертусшток, услугами которого полтора века пользовались короли, императоры, рейхспрезиденты, нацистские бонзы и коммунистические секретари. Выстроить его повелел в 1849 году прусский король Фридрих Вильгельм IV.

Хубертусшток – это скорее не замок, а охотничий домик. Особенно любил его последний кайзер – Вильгельм II. После революции 1918 года в своем голландском изгнании он не раз с тоской вспоминал счастливые времена, проведенные в Шорфхайде.

А вот рейхсмаршалу Герингу Хубертусшток казался непрезентабельным. Здесь он появился лишь однажды – по случаю своего назначения главным имперским лесником и егерем. И сразу же повелел начать возведение поблизости знаменитого Каринхалла, чьи развалины и сейчас еще можно разыскать. Даже по ним можно представить, какие средства рейхсмаршал вбухал в его постройку.

Генеральный секретарь для Шорфхайде тоже не жалел народных денег: огромное поголовье копытных едва ли смогло бы выжить без лесных кормушек с отборным сеном, зерном и картофелем. Документы подтверждают, что генсек приказал импортировать для Шорфхайде из Венгрии особо крупных дунайских оленей, а чтобы они не сбежали (да и от чужого глаза), леса надежно огородили проволочными заграждениями. Так поступали все,

■ Михаил КАРПОВ

Публикация 2004 года

Для граждан ГДР 1983 год начался с сенсационного слуха: на Хонеккера совершено покушение! В условиях тотального контроля за информацией по республике бродили самые невероятные слухи, и верили им куда больше, чем официальным СМИ. Западногерманский «Штерн» собирался публиковать собственное расследование происшествия, поэтому 11 января 1983 года гдээрзовскому агентству АДН пришлось передать специальное опровержение. Факт покушения был объявлен журналистской уткой. На самом деле, говорилось в сообщении, случилось серьезное дорожно-транспортное происшествие, виновник которого попытался скрыться с места событий. Когда ему это не удалось, он открыл огонь по преследовавшим его сотрудникам дорожно-постовой службы. После непродолжительной перестрелки нарушитель покончил с собой «из собственного оружия». А в его крови будто бы обнаружили 2,5 промилле алкоголя.

13 января вышел долгожданный номер «Штерна». Его обложку украшал обрывок крупноформатного портрета гдээрзовского лидера, под левым ухом которого был вмонтирован не слишком отчетливый, явно любительский снимок мужчины средних лет, в пальто и шапке, на фоне заснеженного леса. Заголовок гласил: «Покушение. Печник Пауль Эслинг: человек, который хотел застрелить Эриха Хонеккера». Корреспонденту журнала Дитеру Бубу удалось незаметно для госбезопасности ГДР «Штази» провести собственное расследование происшествия в Клостерфельде. Эта деревушка расположена к северу от Берлина на дороге F109, по которой Хонеккер в течение четверти века добирался до своих охотничьих угодий в Шорфхайде.

Шум в обоих германских государствах поднялся невероятный. Два дня руководство ГДР раздумывало, как поступить, а 15 января посол Вольфганг Майер, в обязанности которого входил надзор за иностранными корреспондентами, объявил Дитеру Бубу, что ему надлежит в течение сорока восьми часов покинуть территорию ГДР.

Рейхсмаршал Герман Геринг, завзятый охотник, главный имперский лесник и егерь, над тушей только что заваленного лося

пистолеты и револьверы. Боезапасом он располагал тоже вполне внушительным – более тысячи патронов. Многие Пауль унаследовал от отца, как и тот самый «вальтер» калибра 7,65, что был при нем на Новый год. Интересная деталь – один из пистолетов он получил от своего клиента в благодарность за выложенную печь. Тот был не кем иным как офицером Штази.

Утверждают, что перед последней поездкой Пауль Эслинг оставил бывшей жене своего рода прощальное письмо, где якобы были строки вроде: «Кое-кто у меня скоро свое получит» и намеки детям: «Мы вряд ли теперь увидимся».

Около половины двенадцатого утра 31-го числа Эслинг ненадолго объявился в доме в Клостерфельде. Матери сказал, что ему надо позвонить. Она, хоть и приготовила ему что-то перекусить, отнюдь не была удивлена тем, что сын, позвонив по телефону, вышел из дому, сел в машину и уехал. Каждый в семье давно жил собственной жизнью. Вновь мать услышала о сыне только через два с половиной часа после наступления Нового года, когда ее начали допрашивать следователи Штази.

Попытка реконструкции

Изучение источников дает следующую картину происшедшего.

31.12.1982 г. Около 11.30. Либерманштрассе Берлин-Вайсезее. Два офицера МГБ ГДР садятся в «вольво-164SE». Они служат в дорожной полиции в рамках «личной охраны ведущих представителей партии и правительства». Их задача на сегодня: сопровождение Эриха Хонеккера на пути от его резиденции в Вандлице до охотничьих угодий в Шорфхайде.

31.12.1982 г. 13.00. Резиденция Вандлиц. «Вольво» с двумя офицерами точно в назначенное время присоединяется к конвою генсека, состоящему из двух «ситроенов». В одном едет Хонеккер, а второй служит командным пунктом охраны. Колонна сворачивает на дорогу F109. Она движется с предписанной скоростью 90 км/час и вскоре достигает перекрестка. Далее из проезда, ведущего от Штольценхагена, выскакивает на темно-зеленой «Ладе» Пауль Эслинг и оказывается непосредственно перед «си-

троеном» с Хонеккером. Конвой резко тормозит, а затем, дав газу и легко обогнав «Ладу», скрывается из виду. Хонеккер вне опасности. Тем не менее офицеры в «вольво» по радио получают от командирской машины приказ задержать автохулигана. Они включают сирену и мигалки, призывая Эслинга остановиться. Но тот вдавливая педаль акселератора в пол и пытается обогнать «вольво». На ближайшем перекрестке останавливается грузовик, перекрывающий проезд. Из «вольво» выскакивает старший лейтенант Штази, делает водителю грузовика знак освободить перекресток и направляется к «Ладе» Эслинга: «Нарушаем?» Тот, в черной кожаной куртке, уже стоит за открытой дверью своей машины. Дальше он якобы лезет рукой под куртку, выхватывает из-за пояса пистолет и открывает огонь. Офицер падает. Его напарник отвечает на выстрелы из девяти-миллиметрового чешского «скорпиона», не покидая «вольво». Ветровое стекло «Лады» разлетается в осколки. Эслинг внезапно приставляет дуло «вальтера» к своему виску и, нажав на спуск, замертво валится на дорогу.

31.12.1982 г. 14.00. Клиника Штази в Берлин-Бухе. Раненого офицера оперируют. Одна из пуль прошла в трех сантиметрах выше сердца, из грудной клетки откачивают около 800 миллилитров крови. Состояние раненого, поначалу тяжелое, после операции быстро улучшается.

31.12.1982 г. 15.30. Клостерфельде. На место происшествия прибывают следователи МГБ. Труп Эслинга все еще лежит в «Ладе», прикрытый одеялом. После окончания медэкспертизы его переносят во двор близстоящего дома.

31.12.1982 г. Вечер. Клостерфельде. Первые жители городка допрашиваются в качестве свидетелей. Труп Эслинга отправляют на судебно-медицинскую экспертизу в Бад Сааров.

01.01.1983 г. 2.30. Клостерфельде. Сын Эслинга Ральф возвращается домой от знакомых, где он встретил Новый год, и ему сообщают о гибели отца. Тогда же об этом узнает и мать Пауля Эслинга.

01.01.1983 г. 10.00. Бад Сааров, Военно-медицинская академия. Полковник медицинской службы профессор Шмехта при участии двух ассистентов проводит вскрытие тела Эслинга.

И еще о покушениях на вождей

Несколько покушений на Иосифа Сталина были успешно предотвращены, зато сам он много преуспел в убийствах

Первого января 1918 года в Петрограде был обстрелян автомобиль, в котором находился **Владимир Ленин**. Вождь не пострадал, нападавшим удалось скрыться. Второе серьезное покушение на Ленина было совершено 30 августа 1918 года, когда эсерка Каплан трижды выстрелила в него из пистолета. Ленин получил два ранения. Вокруг этого покушения и того, были ли в нем задействованы другие лица, споры идут до сих пор. Каплан была арестована и казнена.

6 ноября 1942 года боец стрелкового полка Савелий Дмитриев на выезде из Спасских ворот разбил фару в автомобиле Анастаса Микояна, рассчитывая поразить автомобиль **Иосифа Сталина**. Нападавшего схватили на месте. Через 8 лет Дмитриев был приговорен к расстрелу. Степень его дееспособности осталась невыясненной. Кроме того, во время войны германские нацисты готовили еще три покушения на Сталина, в том числе в 1943 году в Тегеране. Все их удалось предотвратить.

22 января 1969 года у Боровицких ворот московского Кремля человек в милицмейской форме обстрелял машину, в которой, по его предположению, ехал **Леонид Брежнев**. На самом деле

в автомобиле находились четыре космонавта – Береговой, Леонов, Николаев и Терешкова. Космонавты серьезно не пострадали, а водитель получил смертельные ранения. Злоумышленником оказался младший лейтенант Советской армии Виктор Ильин. Его признали психически больным и поместили в лечебницу, откуда он выпущен в 1990 году.

7 ноября 1990 года во время демонстрации на Красной площади рабочий Ижорского завода Александр Шмонов попытался выстрелить из обрезка в сторону Мавзолея, на трибуне которого находился **Михаил Горбачев**. На террориста бросился бдительный милиционер, помешав сделать прицельный выстрел. Первая пуля ушла в воздух, вторая в землю. Шмонова признали невменяемым и поместили в лечебницу, откуда он вышел в 1995 году.

27 января 1993 года на чердаке здания на Старой площади был обнаружен майор Российской армии **Иван Кислов**, утверждавший, что ожидал приезда Бориса Ельцина с намерением убить его. Ельцин в это время находился с визитом в Индии. При злоумышленнике был обнаружен перочинный нож. Кислова признали шизофреником и отправили на принудительное лечение.

Прокуратура Бранденбурга назначила повторное рассмотрение дела. Два бывших охранника Хонеккера Берндт Брюкнер и Адельхард Винклер заявили, что покушение все же имело место. Третий – Ральф Эресманн – считает, что это был несчастный случай.

1992 год. Эрих Хонеккер покидает чилийское посольство в Москве, чтобы предстать перед судом в Берлине

Заключение судмедэкспертов гласит: Эслинг покончил жизнь самоубийством. Трудно себе представить, какая кутерьма началась в Штази! Какой-то печник чуть генсека не кончил! Берндт Брюкнер признавался: «Поначалу все пришли в ужас, но потом постарались взять себя в руки и, вместо того чтобы задействовать целые дивизии для поиска сообщников, ограничиться привлечением самого необходимого числа наиболее подготовленных сотрудников».

Конечно, руководство службы охраны членов политбюро тут же сменили. Во всех подразделениях проводили подробнейший анализ допущенных ошибок. А само происшествие окружили такой плотной завесой секретности, что осталось непонятным, было это покушение или несчастливое стечение обстоятельств.

Выяснить это не удалось и одиннадцать лет спустя, когда за расследование взялся один берлинский журналист, решивший заново опросить свидетелей. Прокуратура Бранденбурга назначила повторное рассмотрение дела. Два бывших охранника Хонеккера Берндт Брюкнер и Адельхард

Винклер заявили, что покушение все же имело место. Третий – Ральф Эресманн – считает, что это был несчастный случай. Эресманн, кстати, утверждал, что истинным свидетелем произошедшего был как раз он, тогда как Винклер в тот день получил выходной. Много писали и о казни Эслинга сотрудниками Штази на месте преступления. Так или иначе, но прокуратура пришла к выводу, что он покончил жизнь самоубийством.

Что же до Эриха Хонеккера, то, прибыв в Шорфхайде, он пересел из «ситроена» в джип и отправился по своим излюбленным местам. Как потом с гордостью вспоминал Ральф Эресманн, руки у генсека после происшествия отнюдь не дрожали: «Девять громадных рогачей не встретили 1983 год».

Генсек продолжал ездить в Шорфхайде той же дорогой вплоть до 8 ноября 1989 года, когда, лишившись всех постов и званий, прибыл сюда попрощаться с милыми его сердцу охотничьими угодьями. Говорят, последним его трофеем стал самый крупный олень, добытый в этих местах аж с 1945-го.

О бывшем руководителе «первого на немецкой земле государства рабочих и крестьян» в Шорфхайде напоминают сотни рогов убитых им животных. Их заботливо собрал нынешний владелец Хубертусштока Ханс Айлерс, пытающийся превратить его в модный отель. Экспонаты, достойные самой престижной выставки охотничьих трофеев, до краев заполнили чашу бывшего бассейна генсека. Кроме этого, в памяти окрестного люда осталась разве что пальба на дороге в Шорфхайде, которую в канун 1983 года они поначалу приняли за разрывы новогодних петард.

Сугубо новогодние истории

■ Борис ПОЮРОВСКИЙ

Публикация 2006 года

Я не люблю новогодние праздники. Может быть, потому, что не могу забыть, как в 7-м классе мы собрались без взрослых 31 декабря у кого-то из одноклассников, первый тост, естественно, подняли за здоровье товарища Сталина, а потом скучали до рассвета.

Организатор тьмы

После того случая я праздновал Новый год спустя десять лет. Это уже в Москве, в Доме актера. Директор Дома Александр Моисеевич Эскин предоставил нам, молодежной секции, на весьма льготных условиях Малый зал. Было довольно весело.

Когда к нам пришли «аксакалы» Яншин, Райкин, Петров, Утесов и Жаров, Михаил Михайлович Яншин сказал:

– Как жаль, что по возрасту я уже не могу быть принят в вашу секцию!

А Михаил Иванович Жаров, человек практичный, добавил:

– Они веселятся, а не обедают на ночь, как мы. С них ведь Эскин взял по тридцатке, а мы платили по пятьсот рублей с пары! Так что, хочешь не хочешь, все равно ешь!

За полчаса до полуночи ближайшая помощница Эскина, Адриенна Сергеевна Шеер, почему-то на этот раз встречавшая Новый год с молодежью, обратилась ко мне с просьбой принять участие в праздничном фейерверке. Собственно, мне ничего особенного не поручалось: по сигналу Адриенны Сергеевны я должен был нажать на какую-то кнопку и держать ее до тех пор, пока куранты по радио пробьют 12 раз. Но как только я прикоснулся к злополучной кнопке, во всем здании – на шести его этажах – вырубилось электричество! Сам момент Нового года мы провели в кромешной тьме. К счастью, никто, кроме Адриенны Сергеевны, не был посвящен в мою особую роль в организации этой тьмы.

Гусь – лучший подарок

В следующий раз Эскин оказал мне высокую честь и пригласил встречать Новый год за свой стол. Там сидели Гиацинтова, Бирман, Плятт, Марецкая, Завадский, Комиссаржевский, Утесов, Туманов... От волнения, охватившего меня при виде такого общества, я нечаянно обронил лотерейный вкладыш, но не заметил этого. Встречаем Новый, 1965-й. На экране – диснеевские мультики, затем играется капустник под руководством артиста Театра имени Ленинского комсомола Александра Ширвиндта (в ту пору в СССР, как известно, секса не было, но Шура временно исполнял обязанности его символа).

Наконец на сцене появляется главный затаенник Советского Союза Никита Владимирович Богословский. Он предупреждает, что сегодня не будет исполнять ни «Темную ночь», ни «Шаланды, полные кефали», потому что ему доверено проведение новогодней лотереи.

Ассистенты крутят барабан, достают первый выигравший номер, объявляют его и просят счастливичика пройти на сцену. Им оказался солист Большого театра Рена Панков; он предъявляет лотерейный вкладыш, и ему выносят клетку с двумя волнистыми попугайчиками-неразлучниками. Все кстати, в сентябре сын Рены как раз пойдя в первый класс.

из архива центрального дома актера

Гостеприимный директор Дома актера Александр Эскин (в центре) с гостями во время одного из празднований Нового года.

Справа: такими визитками приглашали к себе Миронова и Менакер

Называется второй выигравший номер. Его обладатель, известный мхатовский актер Василий Осипович Топорков, приподнимается с места, ему аплодируют, он любезно раскланивается во все стороны. А на сцену выносят двух карликовых петухов в сказочном золотисто-оранжевом оперении, которые тут же, распутив хвосты и трижды грозно прокукаревав, бросаются друг на друга в смертельном поединке.

Бедная Лариса Мамонтовна, жена Топоркова, на весь зал с места умоляет мужа ни в коем случае не принимать выигрыш:

– У нас дома много лет живет попугай, он устроит скандал! – оправдываясь, говорит Лариса Мамонтовна.

Богословский неумолим:

– Выигрыш – святое дело. Выиграл – получи! А с вашим попугаем наши петушки сами как-нибудь разберутся...

Красавцев помещают в две клетки и ставят на стол Топоркова в тот момент, когда официанты приносят на блюдо их ближайших родственников в совершенно распластанном виде, готовых к употреблению.

– Вот он!

– Миша, – обращается через весь зал к Козакову Александр Моисеевич. – Откуда у вас этот билет?

– Я его нашел, – честно признается Козаков.

– Пожалуйста, верните его законному владельцу, он сидит за нашим столом.

Поднимаюсь на сцену, Богословский удостоверяет мое законное право на главный приз; звучит барабанная дробь, и на сцене появляется живой, огромный гусь весом в 14 килограммов, доставленный днем в Дом актера из Павильона птицеводства Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Гусь ступает по сцене, важно переваливаясь, как хозяин, будто он бывал здесь не один раз; выходит почти на середину, расправляет могучие крылья, еще минута – и он станет летать по залу, где и так уже творится нечто невообразимое.

Кто-то протягивает в сторону пришельца руку, но он начинает моментально угрожающе шипеть. Гусь – не попугайчик и даже не карликовый петушок.

Богословский поздравляет меня с главным призом и просит немедленно унести с собой. Половина гостей от хохота валится на пол, другая дает советы, как надо содержать домашнюю водоплавающую птицу. А я стою на сцене и думаю: зачем мне этот гусь, лучше бы уж он достался Козакову!

Сотрудница из Павильона птицеводства помогает мне увести гуся со сцены. А дальше куда?

С трудом общими усилиями эвакуируем гуся в дамский туалет – ближайшее к сцене помещение – и запираем в отдельной кабинке. Но гусь находит небольшую щель между перегородками и, как только кто-то хочет воспользоваться соседней кабинкой по назначению, просовывает туда шею и с остервенением рвет могучим клювом чулки, колготки и даже вечерние туалеты...

Администрация просит меня унять разбушевавшегося зверя, я пытаюсь поскорее незаметно смиться, но бдительные пожарные преграждают мне путь.

Делать нечего, привязываю к лапке веревку, беру в руки хворостинку, выдернутую из венника, и в 5 часов утра мы появляемся вдвоем с гусем на улице Горького. Возвращающиеся после встречи Нового года москвичи и гости столицы шарахаются в стороны. Кое-как переходим через пустую главную улицу столицы и через десять минут оказываемся дома, в большой коммунальной квартире, где я занимаю десятиметровую комнату, правда, с балконом.

Поскольку температура воздуха сегодня явно плюсовая, выпроваживая свой выигрыш на свежий воздух, на всякий случай предварительно связав ему крылья и снабдив миской с «геркулесом». Сперва нежданный гость ведет себя на свежем воздухе относительно спокойно, но затем начинает гоготать, да так громко, что просыпаются не только мои непосредственные соседи.

Наконец, дозваниваюсь приятельнице-хирургу, которая с удовольствием готова принять гуся. Правда, живет она не близко, но это уже детали. Достая мешок, с помощью соседей помещаю в него пришельца, заказываю по телефону такси, опасаясь, что не всякий водитель согласится перевозить такого «пассажира», и благополучно доставляю его по месту назначения.

В полдень возвращаюсь домой счастливым и срочно, пока не грянул мороз – все-таки 1 января! – приступаю к чистке «авгиевых конюшен» на собственном

из архива автора

Не успели еще гости пережить историю с топорковскими петухами, а Богословский просит всех быть особенно внимательными: разыгрывается последний, главный приз лотереи!

– Номер 128, пройдите, пожалуйста, на сцену! – вызывает Никита Владимирович.

– Уже иду, – хорошо поставленным голосом отвечает Михаил Козаков.

Эскин говорит мне:

– Сто двадцать восьмой – это же ваш номер, Боря! Лотерейные вкладыши – безымянные, но на них стоит тот же номер, что и на билете. У Бирман – сто двадцать седьмой, у Гиацинтовой – сто двадцать девятый, а вы – как раз между ними, следовательно, у вас сто двадцать восьмой. Где вкладыш?

– Не знаю, – отвечаю я.

– Но билет-то хотя бы сохранился?

балконе. Что может надеть один гусь всего за несколько часов!

Бал с кремлевскими сосисками

1 февраля 1954 года в Большом Кремлевском дворце МГСПС и МГК ВЛКСМ устроили новогодний вечер, приурочив его к студенческим каникулам. В ту пору попасть на территорию Кремля никто из простых смертных и мечтать не смел. Мало того, в билете сообщалось, что войти в Кремль можно не только через Спаские, но и через Боровицкие ворота. Я был в числе тех счастливиц, кто удостоился чести быть приглашенным на первый студенческий бал в Кремле. Хотя до сих пор не понимаю, как это могло случиться.

Бал проходил в Георгиевском зале. Концерт – в двух отделениях. Объявляя антракт, конферансье предложил желающим заглянуть в буфет. Гости не заставили просить себя дважды, и Георгиевский зал мгновенно опустел. Все переместились в буфет, где можно было за символическую плату отведать деликатесы, о которых мы знали разве что из «Книги о вкусной и здоровой пище». На меня особенное впечатление произвели кремлевские сосиски – не о них ли в свое время писал Владимир Маяковский?

талогами, театральными буклетами. Впечатлений уйма, Юз перескакивает с одного сюжета на другой. И вдруг, после паузы, говорит:

– Знаете, с кем я встречал Новый год?

– С кем?

– Помните, я говорил вам, что у меня еще перед войной установились хорошие отношения по переписке с известным критиком Жан-Жакот Готье? Так вот, ко мне в гостиницу пришел его секретарь и сообщил, что Готье простудился и, к сожалению, не сможет встретиться со мной Новый год. Однако его приглашение остается в силе, и меня ждут в ресторане, где, как он надеется, я буду чувствовать себя прекрасно.

Делать нечего, отправляюсь по указанному адресу, меня тут же препровождают в небольшой уютный кабинет, где накрыт стол на четыре персоны и стоит маленькая елка. Через несколько минут мое одиночество нарушила милая худенькая дама неопределенного возраста. Она запросто вступила со мной в диалог, будто мы

ИЗ АРХИВА АВТОРА

ры, вы останетесь без штанов. Короче, где индейка?

Из разговора понимаю, что Мария Владимировна не собирается нарушать традиции и ждет нас, как обычно, в новогоднюю ночь. Но сперва я должен во что бы то ни стало отыскать индейку. В ресторан ВТО обращаться бессмысленно: из-за отсутствия продуктов там впервые не будет устраиваться встреча Нового года. Можно, конечно, рискнуть отправиться на Центральный рынок.

Центральный рынок открыт. На первом этаже продаются сухофрукты, на втором – очередь за картошкой, на третьем – только вантузы. В полном отчаянии уже на выходе встречаю Николая Сличенко, он в обеих руках держит солидные свертки и спрашивает, чем я озабочен. Рассказываю честно все как есть.

Мы идем в рыночное «закулисье», Коля представляет меня какой-то энергичной женщине как своего ближайшего друга и просит достать индейку. Через десять минут в кабинет внесли неправдоподобных размеров замороженную птицу...

К Мироновым в тот вечер мы с женой приехали первыми, хотели немного пообщаться с Александром Семеновичем. Он сидел в холле в белой крахмальной сорочке с галстуком, в хорошем костюме и новых туфлях, будто позади не было ни реанимации, ни трехмесячного пребывания в стационаре. Первую фразу явно заготовил заранее:

– Как вам понравились наши гастроли в Ленинграде?

В 23 часа Мария Владимировна предложила сесть за стол, проводить старый год. Особые тосты откладывались обычно до встречи Нового года. Но в данном случае Александр Семенович решил нарушить традицию и попросил всех внимательно его выслушать. Чувствовалось, что говорить ему трудно.

– Дорогая Маша, – его явно душили слезы, – здесь сидят самые близкие нам люди, и я хочу при них сказать, что я тебе бесконечно благодарен за все, что ты сделала и делаешь для меня. Мне жаль, что я доставляю тебе столько хлопот...

Дальше он говорить не смог, взял руку Марии Владимировны в свои руки и нежно поцеловал.

Через два с небольшим месяца Александра Семеновича не стало.

В самом конце декабря 1982 года Андрей и Мария Владимировна гастролировали в Харькове. Я был уверен, что после смерти мужа Мария Владимировна не станет устраивать встречу Нового года, тем более что они возвращались в Москву лишь 31-го. Но ошибся: все было как прежде, только стул Александра Семеновича в эту новогоднюю ночь остался свободен...

зовавшийся особым, самостоятельным успехом.

Бедный Андрюша, всю жизнь борющийся с излишними граммами собственного веса, когда Ирина просила его оценить ее изделие, изящно прикладывая тарелочку с кусочками торта к талии, закрывал глаза, облизывал губы и, причмокивая, говорил:

– Сегодня, по-моему, еще вкуснее, чем в прошлый раз! Ах, ах, ах!

И снова, не притрагиваясь, ставил тарелку на место.

В конце сентября 1981 года с Менакером случился инсульт на гастролях в Ленинграде, и больше трех месяцев Мария Владимировна героически боролась за жизнь мужа. Утром 30 декабря снимаю трубку и слышу голос Марии Владимировны:

– Как вы поживаете?

– Вы звоните из Питера?

– Из какого Питера? Мы уже три часа в Москве, и я не могу к вам пробиться! Когда, наконец, введут временную оплату за телефонные разгово-

давно были знакомы. Ужин прошел замечательно, и, лишь расставаясь, очаровательная незнакомка протянула свою визитную карточку, на которой было всего два слова: Эдит Пиаф!

... В октябре 1963 года Пиаф не стало. Два дня Юз слушал французское радио, которое было заполнено воспоминаниями о Пиаф и ее песнями. Юз, будучи сам в плохом состоянии, не выключал радио ни на минуту. Он мысленно провожал в последний путь на Пер-Лашез великую певицу, с которой совершенно случайно вместе встретил Новый год – последний в ее жизни.

Индейка для Мироновой и Менакера

Где был культ новогоднего праздника, так это в доме Мироновой и Менакера! Как красиво хозяйка накрывала стол, какие забавные подарки помещала на каждый стул, предварительно разложив на тарелках маленькие визитки с трогательными шуточными поздравлениями в стихах.

Приготовление стола отнимало не один день: с годами сил у Марии Владимировны, увы, не прибавилось, но требований к себе самой хозяйка не снижала. Правда, десерт она поручала моей жене Ирине, которая каждый раз волновалась, как приготовить, – боялась ударить в грязь лицом. Кроме того, нельзя было повторяться. Торт обязательно изготавливался с большим количеством свежемороженых фруктов, почти без теста и подавался на специальном блюде. К нему прилагался заварной крем, поль-

ИЗ АРХИВА АВТОРА

Вот уже прозвучал и второй, и третий звонок, а молодежь не собиралась возвращаться в зал. И вдруг из репродуктора раздался знакомый голос Ивана Семёновича Козловского:

– Дорогие москвичи и гости столицы! Кто не успел поужинать, сможет это сделать после окончания концерта, а сейчас я, Иван Семёнович Козловский, приглашаю вас в Георгиевский зал, где вас ждут замечательные артисты...

Представьте, молодежь немедленно откликнулась на призыв любимого тенора и вернулась в Георгиевский зал!

Новый год с Парижским Воробьем

В конце декабря 1962 года Ю. Юзовский уезжал на две недели в Париж. До последней минуты Юз волновался: выпустят или не выпустят? До той поры он выезжал только в страны социалистического сотрудничества. 10 или 12 января Юз вернулся в Москву и пригласил зайти в гости. После вручения сувенира он попросил вынести на кухню коммунальной квартиры небольшую коробочку и как будто случайно оставить на его столе. Ни о чем не спрашивая, я исполнил поручение. Через несколько минут дом содрогнулся от ужасного крика, донесшегося из кухни. Любопытная соседка решила поинтересоваться, что за диковинка появилась на чужом столе, и была за это строго наказана: как только она дотронулась до крышки коробочки, оттуда выскочила большая крыса. Конечно же, игрушечная.

Началось знакомство с книгами, путеводителем по Парижу, музейными ка-

С нами тайное становится явным

Главный редактор:
Олег Анатольевич СОЛОВЬЁВ

НАД ПРИЛОЖЕНИЕМ РАБОТАЛИ:
Александр КЛИЩЕНКО, Ирина ШМЕЛЁВА

Учредитель:
ООО «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО-НЬЮПРЕСС»

Адрес учредителя:
121099, г. Москва,
ул. Композиторская, д. 17

Генеральный директор:
Павел ЗВЕРЕВ

Адрес редакции:
127247, Москва,
Дмитровское шоссе, д. 100, стр. 2
e-mail: sovsek@sovsek.com
Телефон: +7 499 288 00 72

ПО ВОПРОСАМ РЕКЛАМЫ:
Операционный директор:
Андрей КОРАБЛИН
+7 499 288 00 72;
e-mail: reklama@sovsek.com

ОТДЕЛ РАСПРОСТРАНЕНИЯ:
+7 499 288 00 89

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ОТДЕЛ:
+7 499 288 00 89

Издание зарегистрировано
Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС77-58624 от 11.08.2014г.

Интернет-версия газеты:
www.sovsekretno.ru

Подписано в печать 10.12.2020 г.
Выход в свет 10.12.2020 г.
Общий тираж: 100 000 экз.

Свободная цена.
Распространяется только в розницу.

Приложение печатается в городах:
Москва, Хабаровск

Редакция не имеет возможности
рецензировать и возвращать
не заказанные ею рукописи и иллюстрации.
Перепечатка материалов, их использование
в любой форме, в т.ч. в электронных СМИ,
возможна только с разрешения редакции.

Точки зрения редакции и авторов
не всегда совпадают.

© «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО-НЬЮПРЕСС», 2020

Импортер в Беларусь:
ООО «Росчерк»
г. Минск, ул. Сурганова, 57 Б, офис 123;
тел: +375 17 331 94 27 (41)

Дистрибьюторы
Приложения:
ООО «Издательский дом
«Гранд Экспресс»
Директор: Станислав ГЛУХОВ
680000, г. Хабаровск, Уссурийский б-р, 9а;
тел: +7 421 230 99 80

Отпечатано
в АО «Прайм Принт Москва»
Адрес: 141707, Московская область,
город Долгопрудный, проезд Лихачевский,
дом №5В

Тираж: 10 700 экз.
Заказ № 3357